

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ХОРЕЗМИ**

На правах рукописи

УДК: 8.80.800.

**АТАЕВА НАРГИЗ РАШИДБАЕВНА
ВРЕМЕННАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА (на
примере произведений русских писателей XX века)**

5A120102–Лингвистика (русский язык)

**Диссертация на соискание
академической степени магистра**

**Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Артыкова Г.Ш.**

Ургенч–2016

АННОТАЦИЯ

на магистерскую диссертацию «Временная транспозиция русского глагола (на примере произведений русских писателей XX века)» магистранта II курса специальности Лингвистика (Русский язык) Ургенчского государственного университета Атаевой Наргиз

В работе описаны типологические особенности русской морфологической системы: категориальное значение русского глагола, особенности грамматического значения, принципы определения грамматического значения, соотношение значений и функций грамматических форм, языковые категории, выражающие идею времени. Также доказано, что при переносном употреблении грамматическая форма, сохраняя свое категориальное значение, вступает в противоречие со значением контекста, вследствие чего достигается образность выражения. Далее автор анализирует текст романа «Герой нашего времени» и рассказ «Али Баба» и доказывает, что для обоих художественных произведений характерно то, что художественное время-пространство имеет несколько планов выражения: по отношению к времени повествователя оно реальное, события происходят в настоящем и развиваются последовательно.

Урганч давлат университети магистратура бўлими Лингвистика (Рус тили) мутахассислиги бўйича II курс магистранти Атаева Наргизнинг «Временная транспозиция русского глагола (на примере произведений русских писателей XX века)» мавзусидаги магистрлик диссертациясига

АННОТАЦИЯ

Ишда рус тили морфологик тизимининг типологик хусусиятлари: рус тили феълининг категориал маъноси, грамматик маънони аниқлаш тамойиллари, грамматик шаклларнинг маъноси ва вазифаси мутаносиблиги, вақт ғоясини ифодалайдиган тил категориялари тавсифланган. Шунингдек

грамматик шаклнинг кўчма маънода ўзининг категориал аҳамиятини йўқотмай келганида матндаги маъно билан тўғри келмаслиги ва бунинг натижасида матннинг ифодалилига эришилади. Муаллиф “Замонамиз қахрамони” романи ва “Али Баба” ҳикояси матнларини таҳлил қилиб, бу асарларда бадиий замон-макон тушунчаси бир нечта ифодаланиш усуллари: ҳикоячи замонига нисбатан улар ҳақиқий, воқеалар ҳозирги замонда ва кетма кет содир болашини исботлайди.

Summary

on the master thesis "A temporary transposition of the Russian verb (on the example of works of the Russian writers of the XX century)" the undergraduate of the II course of the specialty Linguistics (Russian) of Urgench state university of Atayeva Nargiz

In work typological features of the Russian morphological system are described: categorial value of the Russian verb, feature of a grammatical meaning, the principles of definition of a grammatical meaning, a ratio of values and functions of grammatical forms, the language categories expressing idea of time. It is also proved that at a figurative use the grammatical form, keeping the categorial value, conflicts to value of a context owing to what figurativeness of expression is reached. Further the author analyzes the text of the novel "Hero of Our Time" and the story of "Ali Baba" and proves that the fact that art time space has several plans of expression is characteristic of both works of art: in relation to time of the storyteller it real, events take place in the present and develop consistently.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7-13
Глава I. Теоретические основы изучения морфологических категорий	14
1.1. Типологические особенности морфологии русского языка.....	14-21
1.2. Значения и функции грамматических форм.....	22-26
1.3. Глагол: категория времени.....	27-34
Выводы по первой главе	35-37
Глава II. О транспозиции временных форм глагола в русском языке	38
2.1. Особенности употребления форм настоящего времени.....	38-45
2.2. Особенности употребления форм будущего времени.....	46-47
Выводы по второй главе	48
Глава III. Транспозиция временных значений глагола как одна из языковых особенностей художественных произведений	49
3.1. Транспозиция категории времени глагола в художественной прозе.....	49-68
3.2. Транспозиция временных значений глагола как одна из языковых особенностей художественных произведений XIX века.....	69-74
3.3. Транспозиция временных значений глагола как одна из языковых особенностей художественных произведений XX века.....	75-80
Выводы по третьей главе	81
Заключение	82-83
Библиография	84-92

ВВЕДЕНИЕ

«XXI век, в котором мы живем, - это век, когда востребованы и главенствуют интеллектуальные ценности и духовное обновление общества, которое невозможно без развития гуманитарного знания, в частности, знания культуры и языка»[4, 32], - отмечает Президент И.Каримов.

Из всех частей речи именно глагол выделяется лингвистами как самая сложная и самая емкая часть речи; к тому же он аккумулирует огромную потенциальную силу экспрессии, так как обладает широкими возможностями описания жизни в ее развитии и движении.

В художественных произведениях всё, о чем рассказывает автор, лишь тогда "оживает", когда события, люди, мотивы их поступков, свойства характеров представлены в динамике, в действии. Это закон художественного отображения жизни, о котором знали еще античные поэты. Аристотель утверждал, что те выражения представляют вещь наглядно, которые изображают ее в действии.

В разных стилях глаголу отводится неодинаковая роль.

Так, употребление глагольных форм сводится до минимума в официально-деловом стиле, который отличается наиболее ярко выраженным именным характером речи. Здесь средняя частота употребления глаголов на каждую тысячу слов равна 60, в то время как в научном стиле она составляет 90, а в художественной речи – 151. Предписывающий характер официально-делового стиля, преобладание в нем констатирующего, описательного типов речи над повествованием, рассуждением определяют его статичность, вытеснение глагольных форм отглагольными существительными.

Среди семантических групп глаголов, представленных в этом стиле, главная роль отводится словам со значением долженствования: следует, надлежит, вменяется, обязуется и отвлеченным глаголам, указывающим на бытие, наличие: является, имеется.

Научный стиль, которому в целом также присущ именной тип речи, все же предстает более глагольным в сравнении с официально-деловым. И хотя в научных текстах собственно повествование, событийный план по объему незначительны по сравнению с художественной речью, но характеристика действий, процессов, закономерностей занимает достаточное место. Неслучайно глагольность научного стиля в полтора раза выше, чем официально-делового. Стремление к абстрактизации в научных текстах получает отражение в подборе глаголов отвлеченной семантики: быть, являться, иметь и других.

В публицистическом стиле глагольность может стать определяющей чертой того или иного текста, если функционально-смысловой тип речи ориентирует на повествовательный, событийный характер изложения. Однако при иных условиях в газетно-публицистических текстах (особенно если они испытывают сильное влияние официально-делового стиля) глагольность порой сводится до минимума, что в одних случаях вполне закономерно, а в других оценивается как проявление негативного влияния стандарта, снижающего эстетическую сторону речи.

Публицистический стиль в сравнении с другими книжными стилями обладает значительно большими возможностями использования различных семантических групп глаголов, хотя ограничения жанрового и тематического характера все же сдерживают свободу авторского выбора.

Глагольность как функционально-стилевой параметральный признак выделяет художественную речь. Значительное количество глаголов (в два с половиной раза больше, чем в официально-деловом стиле) – преимущество образной речи; оно свидетельствует о том, что повествование занимает в художественных текстах большое место.

Категория времени в ее обычной интерпретации выражает отношение времени действия глагола к определенному моменту речи. Морфологическая категория времени глагола является системой противопоставленных друг другу рядов форм, которые обозначают отношение действия ко времени

осуществления его. Построение системы форм времени относительно вида глагола могут свидетельствовать про отсутствие тождества между временем грамматическим и представлениями про членение времени реального.

Категория времени глагола тесным образом связана с категорией вида. У глаголов несовершенного вида в изъявительном наклонении есть три формы времени – настоящее, прошедшее и будущее сложное; у глаголов совершенного вида есть две формы времени – прошедшее и будущее простое.

Морфологическая категория времени может быть свойственной далеко не всем формам глагола. Из спрягаемых форм данную категорию имеют лишь формы изъявительного наклонения. Повелительное и сослагательное наклонение форм времени не имеют.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена объективной необходимостью комплексного описания всех грамматических форм и грамматических категорий глагола в русском языке в свете современных лингвистических теорий. Благодаря высокому уровню развития понятия грамматической категории времени глагола современное языкознание смогло вплотную подойти к исследованиям данной проблемы в совершенно новом аспекте.

В последнее время работы по грамматике современного русского языка уже не ограничиваются только описанием грамматических форм, но и рассматривают их функциональное значение как таковое. Многоаспектность описания грамматических единиц даёт возможность определения их места в структуре языка; а также и характеристике их функционирования в художественных текстах. Исследование столь важной темы на основе художественных произведений русской классической литературы придает ей большую актуальность.

Исследование проблематики функционирования категории времени глагола проводилась и проводится многими лингвистами-исследователями,

такими, как Н.Д.Арутюнова, М.В.Всеволодова, М.Я.Гловинская, Г.А.Золотова, Н.М.Барахоева, А.Е.Кибрик, Л.Г.Лопатинский и др.

Цель исследования - анализ категории времени глагола и особенностей их употребления на материале художественных текстов 19-20вв.

В соответствии с поставленной целью была выдвинута **рабочая гипотеза** исследования, которая исходит из того предположения, что

- описание глагольного вида и времени в русском языке будет проведено на основе функционально-семантического принципа с учетом контекстных факторов, влияющих на употребление вида и форм времени в переносном значении.

Задачи исследования:

1. изучить основные теоретические аспекты категории времени глагола;
2. изучить особенности вариантности и синонимии в области форм времени глагола как средство их использования в различных стилях речи;
3. проанализировать особенности употребления категории времени глагола в художественном тексте;
4. проанализировать особенности использования категории времени глагола в художественном произведении на примере романа Ю.М.Лермонтова "Герой нашего времени";
5. проанализировать особенности использования категории времени глагола в художественном произведении на примере рассказов Л.Петрушевской.

Объектом исследования являются особенности категории времени глагола в русском языке.

Предмет исследования - функции категории времени глагола в художественных текстах.

Методологической базой исследования стали основные положения теории функциональной грамматики (А.В.Бондарко, Т.А.Аполлонская, Ш.Балли, В.В.Виноградов, В.Г.Гак, О.Есперсен, Г.А.Золотова, Н.А.Слюсарева, М.А.Шелякин); достижения прагматического направления

лингвистики (Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, В.В.Богданов, Т.В.Булыгина, Н.М.Вахтель, Т.Г.Винокур, В.З.Демьянков, Ф.Кифер, Г.Г.Матвеева, Б.Ю.Норман, Е.В.Падучева, Ю.С.Степанов, Р.С.Столнейкер, И.П.Сусов), в том числе прагматического анализа художественного текста (Э.С.Азнаурова, Л.Г.Бабенко, А.Г.Баранов, Э.В.Зуева, А.М.Кузнецов, Т.Б.Радбиль) и прагматического анализа грамматических форм (С. В. Иванов, Ю. П. Князев, С.А.Пуханов, Е.Н.Ремчукова); достижения лингвистики, связанные с изучением функциональной вариантности (О.В.Алексеева, А.В.Бондарко, М.Я.Гловинская, Е.В.Падучева, Н.В.Перцов, М.А.Шелякин) и грамматической синонимии глагольных форм (В.Г.Адмони, С.Ф.Василенко, М.Я.Гловинская, И.П.Иванова, Т.П.Попова, Н.Н.Раевская, И.И.Ревзин, Т.С.Сорокина, Н.Н.Удина, Е.И.Шендельс, М.Н.Шнайдман, В.Н.Ярцева).

Основные методы исследования, использованные в диссертации, - системно-функциональный и контекстуальный анализ, приемы классификации и статистической обработки данных. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдения применялся описательный метод. Были использованы также общенаучные методы наблюдения, обобщения и сопоставления.

Научная новизна работы заключается в показе и выявлении функций грамматических форм глагола в художественном тексте на основе одной грамматической категории – категории времени глагола.

Теоретическая значимость работы связана с тем, что она вносит определенный вклад в решение проблемы прагматических функций грамматических форм в художественном тексте.

Практическая значимость работы определяется теоретической значимостью предлагаемого исследования, поскольку результаты работы могут быть использованы при разработке уроков и лекций для школ, колледжей, лицеев и вузов.

Структура работы. Данное диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, содержащих теоретические аспекты использования

категории времени глагола в художественном произведении, а также их применение на практике, заключения и списка использованной литературы (90 источников).

Материалом исследования послужили временные глагольные формы, используемые в прозе 19 и 20 вв., в частности, в романе М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени» и в рассказах Л.Петрушевской.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Соотношение парадигматического и синтагматического грамматических значений форм времени глагола позволяет представить систему функциональных вариантов и грамматических синонимов в их взаимодействии и использовать ее в качестве инструмента анализа прагматического потенциала грамматических форм.

2. Факторами выбора повествователем функциональных вариантов и грамматических синонимов форм времени глагола в художественном тексте являются:

- характер жанра произведения;
- композиционно-речевые формы авторской речи;
- стиль речи повествователя;
- прагматические цели персонажей-рассказчиков, которые смоделированы автором художественного произведения и соответствуют созданному им образу данного героя.

3. Закономерности использования функциональных вариантов и грамматических синонимов форм времени в художественном тексте выявляются при анализе характера интенции повествователя, его коммуникативной стратегии.

4. Комплексный анализ прагматических функций форм времени глагола в художественном тексте осуществлялся в соответствии с методикой, включающей следующие процедуры:

- отбор функциональных вариантов форм времени глагола в речи отдельно взятого персонажа-рассказчика;

- определение грамматического значения формы и ее семантической функции;
- выявление контекстуальных условий реализации грамматического значения: анализ ситуации, лексических уточнителей (спецификаторов), соседних временных форм (грамматического контекста), в некоторых случаях -семантики глагола;
- стилистическая характеристика формы;
- выявление факторов, определяющих закономерности использования анализируемых единиц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

1.1. Типологические особенности морфологии русского языка

Рассмотрение глагольных категорий вида и времени в русском языке целесообразно предварить освещением ряда общих вопросов, в частности таких, как грамматические исследования в современной научной лингвистической парадигме; направления в лингвистике, оказывающие наибольшее влияние на изучение и описание русской грамматики; типологические особенности русской морфологической системы; категориальное значение русского глагола; типология морфологических категорий; особенности грамматического значения; принципы определения грамматического значения; соотношение значений и функций грамматических форм; языковые категории, выражающие идею времени, и др.

Как известно, в современном русском языке преобладает флективный способ выражения грамматических значений, фузионная техника присоединения морфем в слове и синтетический способ выражения типовых значений, несмотря на рост аналитизма на отдельных участках морфологической системы.

Флективно-фузионную морфологическую форму характеризуют следующие черты: несамостоятельность основы, которая без окончаний обычно не употребляется; нестандартность окончаний - в зависимости от формальных классов склонения и спряжения одно и то же грамматическое значение может выражаться разными окончаниями; выражение окончанием нескольких грамматических значений; нечеткий морфемный шов между морфемами; фонемные изменения морфем при словоизменении и словообразовании. Одно окончание выражает комплекс значений (например, в словоформе читает окончание -ет выражает изъявительное наклонение, настоящее время, 3-е лицо, единственное число).

Это является проявлением асимметрии между планом выражения и планом содержания языковой единицы, характерной для всех естественных языков. Но во флективно-фузионных языках, как отмечает А.А.Реформатский, асимметрия проявляется в большей степени, чем, например, в агглютинативных и аналитических языках [71, 271-273]. Асимметрия плана содержания и плана выражения реализуется также в идиоматичности и полисемии ряда морфологических форм.

В синтетической флективной форме объединяются лексические, словообразовательные и грамматические значения «без строгого расчленения на отдельные элементы структуры... Коммуникация возникает только через целое и комплексные образования внутри этого целого, превалирующего над расчлененностью по отдельным элементам» [71, 276].

Например, временные значения синтетических личных форм глагола выступают как результат взаимодействия вида (в свою очередь определяемого соотношением приставки и суффикса) и основы настоящего времени, к которой присоединяются личные окончания.

В русской морфологии преобладает идиоматическая модель выражения значений [68, 39]. При этом в фузионно-синтетической грамматической форме один морфологический признак определяет другой: выражение настоящего времени предопределяет выражение лица, но исключает выражение рода (пою); а выражение прошедшего времени в сочетании с единственным числом обуславливает обязательное употребление родового показателя (пела).

Идиоматическая модель присоединения морфем и значений главенствует и в русском словообразовании. Так, производные глаголы в русском языке способны выражать такой комплекс смыслов, который трудно передать аналитическими средствами, при этом комбинируемые содержательные элементы в отдельности могут представлять универсальные характеристики ситуации и обладать высокой степенью переводимости на другие языки. В формировании значения производного участвуют не только

его составляющие, выражаемые морфемами, но и семантика самой словообразовательной модели, а также грамматической категории вида.

Идиоматичность семантики синтетических языковых единиц, например производных глаголов, затрудняет перевод на те языки, где соответствующих словообразовательных моделей и категории вида нет.

Трудности возникают при переводе на неславянские языки даже употребительных производных глаголов, когда дериваты выражают чистый результат без каких-либо специфических его характеристик или оценок, ср.: дозвониться до кого-либо, достучаться до кого-либо, дождаться кого-либо, чего-либо - англ. ring and get answer, knock until heard, wait for smb. or smth. and? (неясно, какими лексическими единицами можно выразить результат действия дождаться вне контекста).

Синтетический способ выражения обуславливает идиоматичность комплекса смыслов производного глагола, связывающего несколько ситуаций воедино.

Например, в русском языке имеется глагольная словообразовательная модель до/ся, которая позволяет комплексно выразить деятельность и ее последствия, а также оценку деятельности как длительной или интенсивной, а последствий как нежелательных: дошутиться (до неприятностей), досидеться (до боли в спине). Дошутился! Добегался! Доигрался! Ср.: Что ты говоришь? Ты договорился до абсурда. Перевод последнего предложения на английский язык (например: What are you saying? You are saying nonsense) не связывает негативную оценку ситуации с результатом действия.

Более точный перевод с эксплицитным выражением причинно-следственных отношений между двумя ситуациями и количественной оценкой предшествующего действия (so much that) воспринимается как менее естественный, ср.: You have spoken so much that you are now speaking nonsense. При этом и в последнем предложении можно отметить неполную адекватность перевода исходному русскому предложению: негативный

результат может быть следствием не только длинных речей, но и логически неверно построенных рассуждений.

Важным свойством синтетических флективных форм является полисемия. Она проявляется в том, что в зависимости от условий контекста грамматические формы могут выражать разные значения.

Так, глагольные формы простого будущего времени, помимо значения будущего, в определенных контекстных условиях могут выражать и неактуальное настоящее (ср. Начнет песню, споеет один куплет, а дальше не помнит). Различная природа грамматической многозначности в высказывании анализируется во второй и третьей главах исследования при анализе глагольных категорий вида и времени.

С названными типологическими признаками русского языка связаны также некоторые другие его черты: разделение флексий по частям речи, а следовательно, морфологическое противопоставление частей речи; наличие формальных классов (склонений имен, спряжений глаголов) в рамках частей речи; синонимия и омонимия окончаний; выражение при помощи окончаний синтаксических отношений между словами (согласования и управления) и в связи с этим относительно свободный порядок слов; неоднократное выражение одного грамматического значения (например, числа) в разных морфологических формах и др.

В русском языке имеется несколько грамматических форм аналитического типа, которые входят в парадигму форм наклонения и времени глагола, падежа имен существительных, степеней сравнения качественных имен прилагательных вместе с синтетическими формами той же части речи.

Так, аналитическая форма сослагательного наклонения работал бы входит в парадигму наклонения наряду с преимущественно синтетическими формами изъявительного и повелительного наклонения, которым она противопоставлена. При неизменности служебного элемента бы - показателя сослагательного наклонения - меняется грамматический характер формы

знаменательного слова, формы на -л: эта форма перестает выражать значение прошедшего времени. Форма аналитического будущего входит в парадигму временных форм, включающих флективные формы простого будущего, настоящего и прошедшего времени, при этом служебное слово буду в форме составного будущего оформляется окончаниями.

Предложно-падежные формы имен существительных, включающие помимо окончания служебные слова - предлоги, входят в парадигму падежных форм наряду с флективными формами. При этом компоненты предложно-падежной формы - предлог и окончание (например, на столе) - «могут быть соотнесены с отдельными компонентами сложного грамматического значения» [47, 155].

Аналитические формы превосходной степени (самый точный, самый удобный) и сравнительной степени (более удобный, менее дорогой) качественных имен прилагательных употребляются наряду с синтетическими формами (наиточнейший, удобнее).

Наличие в русском языке неизменяемых знаменательных слов - имен существительных (кофе, метро, шоу), прилагательных (беж, бордо, макси), притяжательных местоимений (ее, его, их) - также является проявлением аналитизма, так как все морфологические признаки таких слов выражаются в их окружении, т. е. синтагматически (ср.: Он любовался метро; Он поблагодарил сотрудника метро; Он вошел в метро; Мы встретились в метро). Что же касается глагола, то преобладает мнение, что он «почти полностью свободен от неизменяемых, независимых от контекста форм» [56, 126]. Но, как показал Е.В.Клобуков, в русском глаголе имеется целый ряд аналитических черт. В его системе есть неизменяемые формы: помимо инфинитива и деепричастия, неизменяемые формы настоящего времени есть (от глагола быть) и безличного глагола нет (который при семантической связи с глаголом быть формально с ним уже не соотносится).

Эти неизменяемые формы, а также целый ряд других аналитических свойств - невыраженность признака лица в формах прошедшего времени (я,

ты, он пришел), числа и лица при переносном употреблении форм императива (А он / я / они и скажи ему об этом) и др. - подготовили почву для становления грамматического класса неизменяемых глаголов типа прыг — прыгнуть, толк — толкнуть, хват — хватать, верт — вертеть[32, 24]. Но все же в целом глагол в меньшей степени, чем имя, склонен к аналитизму - в последние десятилетия число неизменяемых глаголов и глагольных форм, в отличие от имен, не увеличилось.

Согласно определению, данному выше, морфология как раздел науки о русском языке изучает грамматические классы слов (части речи), принадлежащие этим классам грамматические (морфологические) категории и формы слов. Части речи выделяются на основе семантической, морфологической и синтаксической общности: общего признака лексических значений слов, объединяемых в данный класс (например, предмета у имен существительных; процессуального признака у глаголов); общих морфологических категорий и форм словоизменения; тождественных функций в предложении и тексте[18, 38].

Русская морфология обычно описывается в системе частей речи, но есть и описание «категориальной» морфологии русского языка. Например, в пражской «Русской грамматике» (1979) морфологические категории описываются не по частям речи, а по «пучкам», в которых они выступают у разных частей речи.

Например, категория рода рассматривается в одном разделе как категория существительных («несогласуемых неместоименных слов»), местоимений и «согласуемых слов» (прилагательных, причастий, глагольных форм прошедшего времени и сослагательного наклонения).

Грамматическую (морфологическую) категорию образуют однородные (т. е. объединенные общекатегориальным значением) противопоставленные (и по форме, и по значению) ряды морфологических форм. Категориальное значение одного из противопоставленных рядов морфологических форм - это граммема. Так, формы числа имен существительных при помощи окончаний

выражают граммемы единственного или множественного числа, являющиеся реализацией общекатегориального значения числа.

В русском языке (как и в других флективно-синтетических языках) значения, противопоставленные в рамках одной категории, не могут быть выражены в одной словоформе, т. е. граммемы взаимоисключают друг друга. Например, имя существительное может содержать флексию либо единственного, либо множественного числа, а глагол - выражать либо 1-е, либо 2-е, либо 3-е лицо. Иными словами, «грамматическое значение словоформы может содержать не более одной граммы одной и той же грамматической категории» [24, 22-27].

Анализ семантики и употребления форм настоящего и будущего времени в русском языке показывает, что трактовка будущего вне грамматической категории времени неприемлема для русского языка.

Морфологические категории могут представлять собой многочленные структуры (ср., например, категорию падежа в русском языке) или двучленные, бинарные, организованные по принципу оппозиции (ср. глагольный вид). Среди морфологических категорий выделяют категории с номинативным компонентом значения и категории без такого компонента - неноминативные. К первым относятся категории, представляющие и интерпретирующие объекты внеязыкового мира или отношения между ними: количественные отношения предметов, степень проявления признака, реальность или нереальность действия, его отношение к моменту речи, говорящему и другим участникам акта речи и др.; таковы, например, категории числа имен существительных, степени сравнения прилагательных, глагольные категории наклонения, времени, лица, вида.

Неноминативные категории реализуются синтагматически - в синтаксической сочетаемости, т. е. через формы согласуемых слов (например, категория рода имен существительных) или в зависимости от грамматических признаков слов, с которыми эти формы согласуются (категории рода, числа и падежа имен прилагательных).

В составе морфологических категорий русского языка есть словоизменяемые категории, члены которых - это формы одного и того же слова (например, глагольные категории наклонения, времени, лица), и несловоизменяемые (или классифицирующие) категории, члены которых - это формы разных слов (например, категория вида глагола). Формообразование как «образование грамматических форм слова» [42, 558] представлено 1) словоизменением, или образованием флективно-синтетических форм (например, личных форм глагола); 2) образованием аналитических грамматических форм типа буду работать, работал бы; 3) соотносительными формами разных слов (например, формами глаголов СВ).

Внутри частей речи выделяются также лексико-грамматические разряды, отражающие взаимодействие лексики и грамматики. Это подклассы слов той или иной части речи, которые характеризуются общим элементом лексического значения, определяющим их грамматические свойства.

Например, выделяются следующие глагольные лексико-грамматические разряды: переходные и непереходные глаголы (обуславливающие возможность или невозможность образования форм страдательного залога); личные/ безличные глаголы (имеющие разный набор форм категории лица); предельные/непредельные (или, в другой терминологии, терминативные/нетерминативные) глаголы, влияющие на образование видовых пар. Лексико-грамматические разряды отличаются от грамматических категорий отсутствием общего категориального значения, имеющего конкретные реализации в отдельных разрядах, и отсутствием системы морфологических форм выражения этих реализаций.

1.2. Значения и функции грамматических форм

В современной лингвистике представлено несколько типов определения грамматического значения (граммемы):

- 1) как общего, или инвариантного, значения, охватывающего все частные значения и типы употребления грамматической формы;
- 2) как главного (основного) значения, выделяемого на фоне ряда периферийных значений;
- 3) как комплекса отдельных значений грамматической формы.

Теория инварианта соотносится с классическим принципом категоризации явлений; выделение главного среди значений грамматической формы ближе к естественной категоризации; в комплексе отдельных значений грамматической формы можно искать аналогию с принципом «фамильного сходства» членов естественных категорий.

Еще Н.П.Некрасов различал «существенное грамматическое значение формы в языке» и ее «разнообразное употребление в речи» [50, 106]. Р.О.Якобсон создал целостную теорию, в которой общее (инвариантное) значение грамматической формы трактуется как системное; оно соотносится с частными значениями, реализующимися в речи, как инвариант с вариантами.

В ранних работах А.В.Бондарко речь идет также о частных видовых значениях как о «вариантах общего семантического содержания видовых форм» [8, 21]. Однако в разделах о категории вида в академической грамматике русского языка, автором которых он является, предпочтение отдается термину «типы употребления», так как термин «“частное видовое значение”» может наталкивать на мысль, что такие значения выражаются только видом глагола. На самом деле эти значения выражаются с участием вида, но не самим по себе видом глагола. Поэтому целесообразно разграничивать категориальные грамматические значения видов и типы их употребления».

Е.Курилович иерархию значений грамматической формы анализировал на основе различения первичных и вторичных семантических функций языковых единиц, или, в иной терминологии, главного и остальных (частных) значений. Первичная функция определяется системой, она «может быть модифицирована различными способами и давать различные вторичные функции». Но при этом в концепции Е.Куриловича «нет “общего знаменателя”, к которому приводились бы все частные значения, нет общего значения как величины, интегрирующей частные значения, включая главное» [41, 138]. Подход к определению значения граммы как комплекса отдельных значений реализуется в описаниях многочленных морфологических категорий, например падежных форм.

Известный компромисс между названными направлениями в изучении грамматического значения представляет теория В.Г.Адмони, получившая дальнейшее развитие в работах А.В.Бондарко. В.Г.Адмони применял теорию поля не только по отношению к «исходносемантическим категориям», изучаемым в рамках функциональной грамматики, но и к «исходноформальным категориям», т. е. морфологическим категориям, где также выделяется центр, полностью выражающий обобщенное значение категории, и периферия, представляющая его неполно, «иногда даже с добавлением черт, свойственных другим категориям» [2, 78-79]. При таком подходе к анализу морфологических категорий само понятие абсолютного инварианта становится в известной степени относительным. Поэтому в последних работах А.В.Бондарко наряду с понятием «инвариант» используется и понятие «прототип».

А.В.Бондарко выделяет следующие признаки, существенные для определения прототипа: «1) наибольшая специфичность - концентрация специфических признаков данного объекта, “центральность”, в отличие от разреженности таких признаков на периферии (в окружении прототипа); 2) способность к воздействию на производные варианты, статус “источника производности”; 3) наиболее высокая степень регулярности

функционирования - признак возможный, но не обязательный». Прототип рассматривается как «эталонный репрезентант (эталонный вариант) определенного инварианта среди прочих его представителей (вариантов)». И если инварианты отражают исходно-системную сторону взаимодействия системы и среды (поэтому они не всегда осознаются говорящими), то прототипы выступают одним из актуальных элементов речевого смысла.

Таким образом, инвариантный и прототипический принципы, представляющие соответственно принципы структурирования классических и естественных категорий, не противоречат друг другу и могут быть совмещены: инвариантный признак в семантике членов грамматической категории может проявляться с разной степенью отчетливости, на периферии системы он может ослабляться внутренним или внешним контекстом.

В дальнейшем категориальные значения (граммемы) СВ и НСВ рассматриваются как инвариантные значения, соотносимые с системой частных (контекстных) значений глаголов СВ и НСВ, которые они приобретают при конкретном употреблении в тексте. При этом частные значения видов неравноценны, среди них выделяются главные (прототипические), наиболее полно выражающие категориальную видовую семантику, и периферийные, испытывающие большее влияние контекста. Так как вид тесно взаимодействует с лексической семантикой глаголов, то набор частных видовых значений у разных глаголов неодинаков: выделяются прототипические глаголы НСВ и СВ, реализующие все частные значения несовершенного и совершенного видов, и непрототипические глаголы НСВ и СВ, обладающие лишь частью из них.

Описание общих и частных значений форм вида и времени дополняется анализом функций видо-временных форм в тексте. «Понятия функция и значение не совпадают, хотя и могут сближаться друг с другом. Их нетождественность вытекает уже из того факта, что помимо семантических и тесно связанных с ними прагматических функций, соотносимых с значениями, существуют такие типы функций (стилистические и

структурные), которые выходят за пределы той сферы, где может идти речь о близости понятий функции и значения».

Таким образом, при анализе семантики и прагматики видо-временных форм термины «функция» и «значение» могут употребляться как синонимы. Но существуют такие типы функций грамматических форм, прежде всего дискурсивные и стилистические, которые не анализируются как значения, - данные термины здесь расходятся.

Понятие функции языковой формы особенно важно при анализе употребления видо-временных форм в тексте. У форм времени решение вопроса о частных значениях имеет свои особенности, так как время тесно взаимодействует с видом: в реальных высказываниях и текстах выступают не просто временные, а видо-временные формы - частные временные значения зависят от вида глагола. Ниже подробно рассматриваются функции видо-временных форм в тексте - «композиционно-синтаксические функции глагольных форм, в которых кристаллизовались “значения и употребления” вида и времени». Система русского языка «соединила две категории в единой видо-временной форме слова, предназначив ее для роли основного средства организации текста»[26, 27].

Среди функций видо-временных форм в тексте выделяются первичные и вторичные. Первичные функции видо-временных форм в тексте определены категориальными значениями вида и времени - граммемами СВ и НСВ, а также граммемами основных времен (настоящего, прошедшего и будущего). Соответствующие им значения характеризуются частотностью и стилистической нейтральностью.

Вторичные функции связаны прежде всего с переносным употреблением грамматической формы, когда она вторгается в функциональную область другой формы (например, форма настоящего времени употребляется в значении прошедшего или будущего). Но вторичные функции могут иметь и иную природу: видо-временные формы в особых условиях контекста могут выражать не только собственно видовые и временные значения, но и

модальные, прагматические, а в тексте также выполнять композиционно-синтаксические и художественные функции.

Композиционно-синтаксические функции видо-временных форм в тексте являются результатом взаимодействия многих факторов: вида, времени, аспектуально и темпорально значимых элементов контекста, а также коммуникативных режимов и типов речи.

1.3. Глагол: категория времени

Категориальная семантика глагола как части речи связана с действием и процессом. В системе частей речи глагол противопоставлен имени существительному, выражающему предмет. Действие по своей онтологической природе может быть охарактеризовано по множеству параметров - фазисных (начало/конец, продолжение/завершение), результативности/нерезультативности, мгновенности/длительности, интенсивности, кратности и др., большинство из которых в русском языке легло в содержательную основу грамматической категории вида, лексико-грамматических и словообразовательных категорий глагола.

В номинации ситуаций помимо глаголов участвуют и предметные слова, так как процессы обычно воспринимаются одновременно с предметами. Например, трудно создать четкое представление о действиях типа чистить или открывать без учета семантики соответствующих объектов: ср. чистить зубы, ботинки, столовое серебро; открывать окно, замок, консервную банку. Таким образом, семантика глагола, открывающего при себе позиции для имен, имеет пропозитивный характер, т. е. представляет семантическую модель денотативной ситуации – пропозицию [1, 7].

С именем прилагательным глагол объединяет понятие признака, приписываемого предмету, а различает названные части речи характер этого признака - качественный (как постоянное свойство предмета) у прилагательного и процессуальный у глагола, в котором признак представляется в его протяженности, в динамике, изменении, т. е. как мыслимый во времени. Различия между значением прилагательного и глагола можно показать на примере сопоставления таких лексем, как ленивый и лениться, боязливый и бояться: Еще в детстве, когда я учился играть на рояле, учительница говорила моей маме, что я способный, но ленивый (В.Токарева). ...Она ответила в тоне человека, который не хочет спорить и убеждать, потому что ленится (М.Горький). Мальчик, знаете,

нервный, очень чувствительный и... боязливый. (Ф.М.Достоевский); Струсил, глаза открыт боится (В.Бахревский).

В приведенных примерах имена прилагательные выражают признак предмета как постоянный, а глаголы (при помощи своих категорий наклонения и времени) - как действительный для определенного момента времени. В русском языке, как и во многих других языках, частеречное значение глагола реализуется в его предикативных грамматических категориях - наклонения, времени, лица, числа, характеризующих процессуальный признак по его отношению к действительности, моменту речи (как точке отсчета на временной оси), участникам акта коммуникации.

Связь с идеей времени у глагола реализуется не только при выполнении им предикативной функции в высказывании, но и непосредственно в семантике самого глагола при номинации ситуаций. Типологической особенностью русского глагола является то, что в самой глагольной лексеме как словарной единице заключена важная информация о темпоральной структуре обозначаемой ситуации (т. е. о ее фазах, результате, завершенности, незавершенности, кратности и др.). Эта информация выражается комплексно: не только лексически, но и словообразовательно - префиксами и суффиксами, а также грамматически - видовой принадлежностью глагола (ср. шуметь, зашуметь, бежать, побежать, строить, достроить, достраивать).

Глаголы, обозначающие динамические ситуации - целенаправленные и нецеленаправленные действия, события, деятельность, процессы (строить, открывать, уронить, упасть, работать, гулять, рушиться, таять), являются прототипическими, так как соответствующие ситуации могут быть названы только глаголами или глагольными производными.

Непрототипические глаголы обозначают статические ситуации: состояния, свойства, отношения, которые в высказывании могут быть выражены и другими частями речи, не являющимися производными от глаголов (ср. Я замерз - Мне холодно; Стекло не бьется - Стекло прочное;

Книга стоит 20 рублей - Цена книги 20 рублей). При этом глагольная форма создает иллюзию действия, динамичности. Ср. метафору Б.Гавранека «обман глагольной формы» и высказывание М.В.Панова: «глагол все обозначаемое освещает как действие. Такая у него страсть: все рассматривать как действие» [56, 117], т. е. как динамический, делящийся во времени признак.

Время изучают в физике, биологии, лингвистике, философии, истории, фольклоре, литературе, культурологии, психологии. Имеется целый ряд когнитивных моделей времени, отражающих результат познания разных сторон этого сложного феномена. Говорят о физическом, онтологическом, психологическом, биологическом, художественном, мифологическом, эпическом, теологическом, языковом времени, рассматривая при этом такие параметры времени как динамичность/статичность, линейность/нелинейность (цикличность), направленность, непрерывность / прерывность, конечность/бесконечность, гомогенность/гетерогенность, длительность/мгновенность и др.

В языке имеются разнообразные средства - лексические, морфологические, синтаксические - для выражения временных отношений, так как «язык описывает действительность, которая, подобно речи, существует во времени» [5, 9]. Особую роль в выражении идеи времени в языке играют глаголы, которые называют ситуации (события, действия, процессы, состояния), существующие во времени.

В русском языке имеются две грамматические категории, воплощающие идею времени: категории времени и вида, которые в лингвистике противопоставляются соответственно как «дейктическая» и «семантическая» категории. Значения временных глагольных форм и категории времени в целом «являются дейктическими, ориентационными», выражают ориентацию действия «по отношению к моменту речи или, шире, по отношению к ‘здесь и теперь’ - говорящего лица», тогда как видовые значения «не имеют дейктической, локализационной функции: идея времени проявляется иначе - как внутреннее свойство самого выражаемого действия» [48, 307-308].

Вслед за Р.Якобсоном многие лингвисты выделяют еще одну категорию, имеющую непосредственное отношение к времени, но не являющуюся в русском языке грамматической: категорию таксиса, выражающую хронологическую последовательность событий, т. е. временные отношения между действиями по признакам 'раньше - одновременно - позже'.

Р.Якобсон четко отграничивал категорию таксиса от категории времени: время характеризует событие со ссылкой на акт речи, тогда как таксис характеризует событие со стороны его отношения к другому событию без ссылки на акт речи. Центральными компонентами независимого таксиса выступают видовременные формы в сложных предложениях и в простых предложениях с однородными сказуемыми. Зависимый таксис выражается деепричастиями[86, 106-108].

Ю.С.Маслов выражение «таксических отношений» рассматривал как одну из важнейших функций глагольного вида [48, 311]. Некоторые лингвисты трактуют таксис как относительное время [68, 271].

Г.А.Золотова в «Коммуникативной грамматике», используя традиционный термин «таксис», расширяет его применение по отношению не только к хронологической соотнесенности обозначаемых ситуаций в тексте, но также к их модальной и персональной связанности (релятивности) [25, 219-220].

Категория таксиса в «Теории функциональной грамматики» (ТФГ) трактуется как семантическая категория, выражающая временное отношение между действиями в рамках целостного периода времени. Соответственно таксисные отношения между действиями реализуются лишь в рамках одного временного плана, т. е. речь идет о так называемых контактных действиях, при выражении которых реализуется синтаксическая функция вида.

Основным средством выражения таксисных отношений в русском языке является вид глагола. Ср.: Когда мы подошли к дому, он решил вернуться; Поднявшись на мост, она помахала мне рукой (разновременность, последовательность) // Когда мы подходили к дому, он решил вернуться;

Поднимаясь на мост, она помахала мне рукой (одновременность) [76, 238]. Хронологические отношения между действиями, выражаемые в пределах одного текста, но в разных предложениях, в ТФГ в связи с категорией таксиса не рассматриваются, хотя ясно, что таксисные отношения значимы и для построения текста, причем «текстовый» таксис имеет свои особенности с точки зрения как содержания, так и формы выражения.

В ТФГ А.В.Бондарко выделяет несколько семантических категорий, в которых реализуется идея времени. Кроме уже охарактеризованного таксиса, это аспектуальность, темпоральность, временная локализованность/нелокализованность, временной порядок. Данные категории устроены по принципу функционально-семантического поля (ФСП), которое интегрирует разноуровневые языковые средства - морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические - на базе общности их функций.

Аспектуальность в ТФГ определяется как семантический категориальный признак, характеризующий протекание и распределение действия во времени, а также как ФСП языковых средств, объединенных этим значением. Семантическим ядром ФСП аспектуальности является глагольный вид, к которому примыкают способы глагольного действия, на периферии находятся лексические и синтаксические аспектуально значимые языковые единицы, т. е. участвующие в выражении характера протекания действия во времени [76, 12].

Темпоральность - это семантическая категория «с явной дейктической характеристикой», т. е. выражающая отношение времени обозначаемых ситуаций и их элементов к моменту речи говорящего или иной точке отсчета.

Вместе с тем темпоральность - это базирующееся на данной семантической категории ФСП, охватывающее грамматические (ядро категории составляет морфологическая категория времени), лексические, а также комбинированные (лексико-грамматические, грамматико-контекстуальные и др.) средства языка [76, 5].

Временная локализованность «отражает одномерность, асимметричность и необратимость времени: речь идет об отображении в языковой семантике конкретного местоположения тех или иных процессов и событий в однонаправленном и необратимом потоке времени» [76, 211].

В нелокализованности, напротив, находят отражение различные периодические, повторяемые, обобщенные процессы и явления. В русском языке отсутствует специальная система грамматических форм для выражения временной локализованности/нелокализованности; большое участие в выражении этой семантической категории принимает глагольный вид. К числу центральных компонентов поля временной локализованности, помимо вида, относятся лексические и синтаксические средства выражения конкретности/обобщенности субъекта и объекта, единичности / повторяемости действия [76, 201-234].

А.В.Бондарко считает, что категория временной локализованности в русском языке, «перекрещиваясь с аспектуальностью и темпоральностью, не утрачивает своей самостоятельности» [8, 60], тогда как Ю.С.Маслов рассматривает соответствующие значения как аспектуальные или темпоральные [48, 234].

А.В.Бондарко в работах последних лет предложил, помимо таксиса, выделять более общую категорию временного порядка, которая выходит за рамки полипредикативных конструкций на уровень текста. Временной порядок трактуется «как отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление “времени в событиях”, т. е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов (на другой день, через пять минут и т. п.)». Иными словами, это «поток времени, воплощенный во временной упорядоченности (в том или ином расположении на линии времени) событий, процессов и состояний (вместе с интервалами и “датами”)» [15, 519-520].

На описание в ТФГ категорий, воплощающих идею времени в языке, оказали влияние работы Э.Кошмидера, в которых последовательно реализуется линейная модель времени. Образ времени в языке, по Э.Кошмидеру, - это «бесконечная прямая линия», «линия времени», на которой при помощи семантических категорий временной локализованности, направительной отнесенности и темпоральной отнесенности размещаются и получают временные характеристики действия (ситуации, положения дел). Категория временной локализованности (не обладающая в славянских языках специальными морфологическими средствами выражения) определяет «операцию включения во время» и тем самым действие двух других категорий: направительной отнесенности, основным средством выражения которой является вид, и темпоральной отнесенности, выражаемой морфологической категорией времени. Те действия, которые локализованы на временной линии, помещаются в один из трех временных планов (настоящего, прошлого и будущего) и характеризуются направительной отнесенностью. Семантика СВ отражает направительную отнесенность действия к субъекту «из будущего в прошлое». Ср., например, предложение *В девять часов погас электрический свет.* «В восемь часов этот факт еще находился в будущем и приближался к говорящему субъекту, в девять он произошел и с момента своего осуществления относится к прошлому».

В семантике НСВ (в частности в вопросе Что ты делаешь? и в ответе на него) «направительная отнесенность» иная - «из прошлого в будущее» [36, 136-138]. Э.Кошмидер подробно анализирует «столкновение вида и времени» и употребление вида и времени в «несобственных» функциях.

В языке находит отражение и модель «неупорядоченного», нелинейного времени, которая реализуется в мире идей. Сформулированные научные законы, правила, обобщения социального опыта в пословицах, поговорках характеризуются всеобщностью, своеобразной вневременностью, не отражают течения времени. Так как в русском языке личные формы глагола должны иметь временной показатель, для обозначения всеобщих законов и

правил используются формы настоящего времени, семантика которых наилучшим образом соответствует всеобщности таких законов, ср.: *Волка ноги кормят; Биссектриса делит угол пополам.*

Циклическая модель времени, основанная на представлениях о предопределенности порядка событий и их повторяемости, реализуется в лексике, в частности в лексемах, называющих отрезки и циклы человеческой жизни, деятельности, времен года: ночь, день, неделя, месяц, год, век, рождение, детство, юность, старость, смерть, каникулы, зима, лето и др.

На обыденные представления о времени, «упорядочивающие наши повседневные действия», проливают свет метафорические языковые сочетания в их буквальном прочтении, прежде всего сочетания с глагольными предикатами лексемы «время». В русской ЯКМ, как и в ЯКМ многих других языков, реализуется целый ряд метафорических моделей времени: пространственных (перед Новым годом; экзамены уже позади), динамических (Время бежит, летит; Время остановилось), ценностных: время - это ценность, которую можно тратить, терять, отнять, дать, взять; время - это ограниченный ресурс, который может кончиться (Я потратил/потерял/сэкономил много времени; Не хочу отнимать у вас время; Даю вам много времени на выполнение этого задания). Время воспринимается как сила, способная лечить, судить, воздействовать (Время лечит, Время покажет, Время не терпит, Время работает на нас) и др.

Выводы по первой главе

В современном русском языке имеются две грамматические категории, воплощающие идею времени: категории времени и вида, которые в лингвистике противопоставляются соответственно как «дейктическая» и «семантическая» категории. Значения временных глагольных форм и категории времени являются дейктическими, ориентационными, т.е. выражают ориентацию действия по отношению к моменту речи или, шире, говорящего лица, тогда как видовые значения не имеют дейктической, локализационной функции: идея времени проявляется иначе - как внутреннее свойство самого выражаемого действия.

Некоторые лингвисты выделяют еще одну категорию, имеющую непосредственное отношение к времени, но не являющуюся в русском языке грамматической: категорию таксиса, выражающую хронологическую последовательность событий, т. е. временные отношения между действиями по признакам раньше - одновременно - позже.

Р.Якобсон четко отграничивал категорию таксиса от категории времени: время характеризует событие со ссылкой на акт речи, тогда как таксис характеризует событие со стороны его отношения к другому событию без ссылки на акт речи. Центральными компонентами независимого таксиса выступают видовременные формы в сложных предложениях и в простых предложениях с однородными сказуемыми. Зависимый таксис выражается деепричастиями.

Категория таксиса в «Теории функциональной грамматики» трактуется как семантическая категория, выражающая временное отношение между действиями в рамках целостного периода времени. Соответственно таксисные отношения между действиями реализуются лишь в рамках одного временного плана, т. е. речь идет о так называемых контактных действиях, при выражении которых реализуется синтаксическая функция вида.

Мы придерживаемся мнения, что основным средством выражения таксисных отношений в русском языке является вид глагола.

Хронологические отношения между действиями, выражаемые в пределах одного текста, но в разных предложениях, в ТФГ в связи с категорией таксиса не рассматриваются, хотя ясно, что таксисные отношения значимы и для построения текста, причем «текстовый» таксис имеет свои особенности с точки зрения как содержания, так и формы выражения.

В ТФГ А.В.Бондарко выделяет несколько семантических категорий, в которых реализуется идея времени. Кроме уже охарактеризованного таксиса, это аспектуальность, темпоральность, временная локализованность/нелокализованность, временной порядок. Данные категории устроены по принципу функционально-семантического поля (ФСП), которое интегрирует разноуровневые языковые средства - морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические - на базе общности их функций.

Аспектуальность в ТФГ определяется как семантический категориальный признак, характеризующий протекание и распределение действия во времени, а также как ФСП языковых средств, объединенных этим значением. Семантическим ядром ФСП аспектуальности является глагольный вид, к которому примыкают способы глагольного действия, на периферии находятся лексические и синтаксические аспектуально значимые языковые единицы.

Темпоральность - это семантическая категория «с явной дейктической характеристикой», т. е. выражающая отношение времени обозначаемых ситуаций и их элементов к моменту речи говорящего или иной точке отсчета.

Вместе с тем темпоральность - это базирующееся на данной семантической категории ФСП, охватывающее грамматические (ядро категории составляет морфологическая категория времени), лексические, а также комбинированные (лексико-грамматические, грамматико-контекстуальные и др.) средства языка [77, 5].

Временная локализованность отражает одномерность, асимметричность и необратимость времени: речь идет об отображении в языковой семантике

конкретного местоположения тех или иных процессов и событий в однонаправленном и необратимом потоке времени.

В нелокализованности, напротив, находят отражение различные периодические, повторяемые, обобщенные процессы и явления. В русском языке отсутствует специальная система грамматических форм для выражения временной локализованности/нелокализованности; большое участие в выражении этой семантической категории принимает глагольный вид.

На обыденные представления о времени, «упорядочивающие наши повседневные действия», проливают свет метафорические языковые сочетания в их буквальном прочтении, прежде всего сочетания с глагольными предикатами лексемы «время». В русской ЯКМ, как и в ЯКМ многих других языков, реализуется целый ряд метафорических моделей времени: пространственных, динамических, ценностных и др.

ГЛАВА II. О ТРАНСПОЗИЦИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Особенности употребления форм настоящего времени

Транспозиция (от позднелат. *transpositio* - перестановка) — использование одной языковой единицы (слова, формы, конструкции) в функции другой языковой единицы [80, 265]. Термин «Транспозиция» применяется чаще всего к следующим фактам:

Переносное (несобственное) употребление категориально-грамматических форм, например, употребление настоящего времени в значении прошедшего времени («настоящее историческое», напр., Вчера я иду по улице и встречаю знакомого), употребление настоящего времени в значении будущего времени (Завтра я еду в Москву), употребление повелительного наклонения в значении сослагательного (Приди он вовремя, мы бы не опоздали), употребление ед. ч. о значении множественного (магазин педагогической книги) и т. п.

Начальный этап такой транспозиции, т. е. употребление слова, формы, сочетания слов в синтаксической функции другой части речи, обычно существительного: дорога в никуда, работать через не могу и т. п.- называют синтаксической транспозицией. Полная транспозиция предполагает либо происшедшее в диахронии языка, в процессе функционирования слова (словоформы), их лексико-семантическое обособление от исходного слова (словоформы), либо функциональное преобразование аффиксов по определённым словообразовательным моделям: превращение падежной флексии в суффикс при адвербиализации существительных и прилагательных, например: шагом, временами, напрямую; специфическое видоизменение системы флексий при субстантивации прилагательных и причастий.

В словообразовании под транспозицией (по Е.Куриловичу - «синтаксической деривацией») понимается образование (суффиксальным

способом) слова, семантически отличающегося от соответствующего мотивирующего (производящего) слова только общим значением части речи, например: падать - падение, смелый - смелость, быстрый - быстро и быстрота, завтра – завтрашний [40, 50-55]. Этот тип словообразовательного значения называется транспозиционным.

Образование форм времени не связано с лексикой и употреблением глагола. Каждый глагол в русском языке изменяется по временам. Что же касается временной семантики, то она, напротив, зависит и от лексического значения слова, и от контекста.

Различают три типа употребления форм времени: абсолютное, относительное и переносное, или транспозицию.

При абсолютном употреблении формы времени ориентируют действие на момент речи (тот временной план, в котором находится говорящий, на конкретную речевую ситуацию). При этом глагол оказывается главным средством временной характеристики высказывания. Это основной тип употребления временных форм. На его основе грамматическое время интерпретируется как номинативная категория, служащая для выражения отношения действия к моменту высказывания, как категория, посредством которой высказывание детерминируется во времени.

В абсолютном употреблении все временные формы оказываются многозначными. Соответствующие временные значения называют синтаксическими, так как они формируются в контексте.

Основными синтаксическими значениями формы настоящего времени являются так называемые настоящее актуальное и настоящее неактуальное. Настоящее актуальное относит действие к конкретной речевой ситуации, к нему можно поставить вопрос Что ты (он, она) сейчас (в данный момент) делаешь (делает)? или Что сейчас (в данный момент) происходит? – Солнце на горизонте уже целуется с землей, побагровело и скоро спрячется (Чехов), ... Теплый ветер гуляет по траве, гнет деревья и поднимает пыль. Сейчас брызнет майский дождь и начнется настоящая гроза (Чехов).

Настоящее неактуальное на указанные вопросы не отвечает. Обычно оно не относит действие к единичной речевой ситуации. Признаком настоящего неактуального является нелокализованность действия во времени. Временное значение формы при этом проявляется в том, что она указывает на наличие или, как пишет А.В.Бондарко, на «современность» действия. Другими словами, форма не относит действие ни к прошлому, ни к будущему.

Настоящее неактуальное имеет следующие разновидности:

1) значение постоянного отношения: Земля вращается вокруг солнца. Деревню окружают болота;

2) значение настоящего абстрактного, когда называется действие или обычное: Жизнь – без начала и конца. Нас всех подстерегает случай (Блок), Счастливые часов не наблюдают (Грибоедов), - или повторяющееся: По утрам он варит себе крепкий кофе.

К настоящему неактуальному относят также:

1) настоящее комментирующее (настоящее в ремарках, в пояснениях к разнообразным театральным представлениям и т. п.). Использование форм времени в таких случаях «основано на отношении одновременности действия с каким-то моментом, помимо момента речи» (А.В.Бондарко);

2) выделенное Н. С. Пospelовым настоящее изобразительное (его называют также настоящим описательным): Под голубыми небесами Великолепными коврами. Блестя на солнце, снег лежит; Прозрачный лес один чернеет, И ель сквозь иней зеленеет, И речка подо льдом блестит (Пушкин); Звезды меркнут и гаснут, В огне облака. Белый пар по лугам расстилается. По зеркальной воде, по кудрям лозняка От зари алый свет разливается (Никитин).

«Настоящее изобразительное фиксирует действие как пребывающее в настоящем». Главным для форм настоящего времени нужно признать значение настоящего актуального. Именно оно специфически отличает формы настоящего времени НСВ от форм будущего времени СВ. Но, так как оно не является общим, его нельзя считать инвариантным.

При определении грамматической семантики презентных форм во многих работах принимается точка зрения А.В.Бондарко. По мнению А.В.Бондарко, формы настоящего времени всегда сохраняют значение «современности», одновременности действия с какой-нибудь (в том числе и с моментом речи) точкой отсчета на временной оси. Но нередко вслед за Р.Якобсоном признается, что у презентных форм инвариантного значения нет и что они представляют собой слабый (немаркированный) компонент в системе временных форм русского глагола.

Из истории русского языка можно привести в качестве примера переосмысление форм настоящего времени глаголов, получивших значение совершенного вида, в качестве форм будущего времени (например, скажу, решу, напишу и т.д.). Перенос из настоящего в будущее вполне объясним: то, что мыслится в настоящем, может вполне естественно переместиться на территорию будущего.

В данном случае генетическое значение этих форм утратилось, и основным значением их стало функциональное значение. Грамматическим средством выражения будущего времени у подобных глаголов является парадигмизированная система основных и добавочных формантов, например, в словоформе принесу на будущее время указывают: приставка при-, окончание -у (недифференцированный показатель настоящего-будущего), огласовка корня е (ср. приношу), противопоставленность последнего согласного с согласному ш (ср. принесу - приношу).

Необходимо особо указать такие формы будущего простого, как лягу, сяду. Исторически эти формы настоящего с начинательным оттенком, вносимым инфиксом п. Употребление инфикса с начинательным значением способствовало переосмыслению этих форм будущего со значением совершенного вида.

Другим примером переосмысления формы настоящего с инфиксом п является наше будущее простое буду, спецификой которого является его видовая двуплановость, сравним: я завтра буду на концерте (аористичность

значения, констатация без указания на длительность) и я завтра буду мыть окна (обозначение длительного действия).

В реконструированном виде данная форма может быть обозначена таким образом: *bhu-n-d-om (n - инфикс, d - детерминант, слившийся с корнем). Показательно, что функциональное переосмысление форм настоящего в качестве форм будущего встречаем и в современном русском языке.

Рассмотрим следующий случай такого переосмысления:

Глаголы с определенно-моторным значением (по терминологии А.А.Шахматова), т.е. обозначающие определенно-направленные действия типа *иду, еду, лечу, плыву, несу, бежу* и т.д. могут в речи приобрести значение будущего времени: *Завтра я еду в Ташкент; Десятого иду в кино; Послезавтра лечу в Бухару.*

Сравним невозможность такого употребления для глаголов, обозначающих разнонаправленные действия: *Завтра хожу в театр; *Послезавтра плаваю в Сочи.*

Соотнесенность настоящего подобных глаголов с будущим временем определяется или ситуацией, или контекстом (в первую очередь сочетанием со словами, выполняющими обязанность обстоятельств времени: *завтра, через два дня, двадцатого числа* и т.д.). Это употребление настоящего в значении будущего может быть названо контекстуальным.

Настоящее время глаголов несовершенного вида может употребляться для обозначения событий, имевших место в прошлом. Соотнесенность с прошедшим устанавливается обстоятельственным словом, семантика которого связана с прошедшим. Если это слово обозначает прошедшее без конкретизации (в детстве, в ранней молодости, во время отпуска, летом и т.д.), то форма настоящего обозначает обычное, часто повторявшееся в указанный период времени действие: *Летом отправляюсь в лес, вдыхаю запах сосен, люблю природой.*

Значение обычности может усиливаться, подчеркиваться вводным словом *бывало*. Если обстоятельственное слово обозначает конкретный

промежуток времени (вчера, в пять часов вечера, двадцатого февраля и т.д.), то форма настоящего указывает на конкретное событие, имевшее место в прошлом: *Вчера иду по лесу и нахожу много грибов.*

В данной конструкции две части, каждая из которых может состоять из нескольких слов: *вчера иду по лесу, наслаждаюсь запахом цветов, люблю соснами и вдруг выхожу на полянку, там много грибов, и я начинаю собирать их.*

Вторая часть обозначает действие (действия), наступающее после реализации действий, называемых в первой части. В обоих случаях имеем так называемое настоящее историческое (*praesens historicum*), которое дает нам возможность образно, как бы в виде просмотра снятых в прошлом кинокадров, представить прошедшие события.

Настоящее историческое представляет собой переносное употребление (транспозицию) форм настоящего времени для обозначения прошедших действий. При переносном употреблении грамматическая форма, сохраняя свое категориальное значение, вступает в противоречие со значением контекста, вследствие чего достигается образность выражения: в случае настоящего исторического прошедшие действия представляются так, как будто они происходят синхронно с моментом наблюдения.

В русском языке в этом временном плане при обозначении единичных действий могут употребляться лишь формы глаголов НСВ. В этом случае речь идет о переносном употреблении форм настоящего времени со значением актуального настоящего, при этом функции глагольных форм НСВ в актуальном и историческом настоящем существенно различаются. Актуальное настоящее в принципе не допускает понимания действий как завершенных. В настоящем же историческом глаголы НСВ могут обозначать действия объективно завершенные, представляя их как развертывающиеся процессы.

Сравним: *«Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!»* Она улыбается (ср. улыбнулась) своей грустной, очаровательной улыбкой, берет

(ср. взяла) обеими руками мою голову, целует (ср. поцеловала) меня в лоб и кладет (ср. положила) к себе на колени (Л.Н.Толстой).

В русском языке фиктивный план актуального настоящего для обозначения прошедших действий, в том числе и завершенных, строится последовательно при помощи форм настоящего времени глаголов НСВ: если выражаются единичные действия в прошлом, употребление глаголов СВ невозможно (исключения составляют обороты типа *Он как крикнет!*). НСВ берет на себя выполнение важных функций СВ, не теряя собственной специфики, т. е. наблюдается своеобразная комбинация противоположных значений обоих видов - процессного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ [48, 110].

У немаркированных членов грамматических оппозиций «можно говорить о двоякого рода вторичной функции, связанной как с нейтрализацией семантического противопоставления, так и с транспозицией этих членов», - транспозиции подвергается более узкое, специфическое значение, которое в позиции нейтрализации стирается [37, 54]. Не является ли употребление презентных форм НСВ в настоящем историческом транспозицией не только значения настоящего времени, но и процессного значения НСВ?

В связи с настоящим историческим говорят о транспозиции лишь настоящего времени. Вопрос о транспозиции вида является сложным - ввиду значительной доли интерпретационной составляющей в семантике видов и субъективности выбора СВ или НСВ для обозначения одной и той же денотативной ситуации. Настоящее историческое представляет собой переносное употребление презентных форм НСВ, в которых временное значение настоящего тесно связано с видовым процессным значением.

Как писал С.И.Карцевский, «время старается “поместиться” в рамках вида» - настоящее историческое единичного действия в русском языке может быть совмещено только с процессным значением НСВ [31, 147]. Поэтому вопрос о возможности транспозиции видового значения процессности вместе с временным значением настоящего при обозначении прошедших

последовательных и завершенных действий является закономерным, хотя и дискуссионным.

2.2. Особенности употребления форм будущего времени

Может быть, это наименование не совсем точное. Речь идет о простом будущем глаголов, получивших значение совершенного вида, которые в определенной конструкции как бы сохраняют свойственное им ранее значение настоящего. Здесь скорее можно говорить о пережиточном использовании данных глаголов в прежнем временном значении.

Конструкция состоит из простого будущего глагола совершенного вида в сочетании с отрицательными словами никак, нигде, никаким образом и т.д.: *Никак не забью гвоздь, не открою окно, не найду этой книги, не пойму вас, не решу этой задачи; нигде не найду ключа, нужного ответа, потерянной книги; никаким образом не соберу таких денег и т.д.* Здесь настоящее с особым модальным оттенком невозможности: *"никак не забью гвоздь" = "никак не могу забить гвоздь", "никак не открою окно" = "никак не могу открыть окно"*.

В данной конструкции выражена невозможность завершить, закончить производимое в настоящем времени действие. В отрицательной модальности содержится оттенок законченности, предельности, присущей формам совершенного вида. Здесь мы имеем как бы настоящее совершенного вида.

Употребляться в значении прошедшего могут формы будущего совершенного вида, получившие в данном случае значение настоящего совершенного вида в прошедшем (*futurum historicum*). Эти формы обозначают обычные, часто повторявшиеся и завершившиеся в прошлом действия: *Утром (т.е. по утрам) выйду (т.е. выхожу) в лес, подойду (т.е. подхожу) к старой сосне, сяду (т.е. сажусь) в ее тени и начну (т.е. начинаю) наслаждаться природой.*

В этой конструкции две части, каждая из которых может состоять из нескольких глаголов, вторая часть, как и при употреблении *praesens historicum*, называет действие (действия), наступающее после реализации действий, названных в первой части. Во второй части может быть

употреблена, как указывалось выше, и форма настоящего времени: Встану пораньше, пойду в лес и начинаю делать зарядку.

Отнесенность в прошлое производится, как и в первом случае употребления настоящего исторического, обстоятельственными словами (летом, во время отпуска, в юности и т.д.). Обстоятельное слово должно как бы обозначать достаточно широкий фон для осуществления обычных, повторявшихся действий. Это же достигается и употреблением вводного слова бывало.

Выводы по второй главе

Таким образом, настоящее время глаголов несовершенного вида может употребляться для обозначения событий, имевших место в прошлом. Соотнесенность с прошедшим устанавливается обстоятельством словом, семантика которого связана с прошедшим.

Настоящее историческое представляет собой переносное употребление (транспозицию) форм настоящего времени для обозначения прошедших действий. При переносном употреблении грамматическая форма, сохраняя свое категориальное значение, вступает в противоречие со значением контекста, вследствие чего достигается образность выражения: в случае настоящего исторического прошедшие действия представляются так, как будто они происходят синхронно с моментом наблюдения.

В русском языке в этом временном плане при обозначении единичных действий могут употребляться лишь формы глаголов НСВ. В этом случае речь идет о переносном употреблении форм настоящего времени со значением актуального настоящего, при этом функции глагольных форм НСВ в актуальном и историческом настоящем существенно различаются. Актуальное настоящее в принципе не допускает понимания действий как завершенных. В настоящем же историческом глаголы НСВ могут обозначать действия объективно завершенные, представляя их как развертывающиеся процессы.

В большей части случаев функциональное значение временных форм не порывает соотношения с их генетическим значением. Сквозь полученное в речевом употреблении функциональное значение как бы просвечивает исходное значение формы. Исключение составляют формы настоящего времени тех глаголов, которые в древности приобрели значение совершенного вида и сейчас обозначают уже будущее время, в обычном употреблении утратившее связь с прежним временным значением.

ГЛАВА III. ТРАНСПОЗИЦИЯ ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА КАК ОДНА ИЗ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

3.1. Транспозиция категории времени глагола в художественной прозе

В силу своей актуальности для носителей русского языка семантика представления находит выражение практически на всех уровнях языковой системы, поэтому соответствующая философско-психологическая как теория, обозначающая наглядно-чувственный образ, возникающий в сознании человека в результате воспроизведения или творческой трансформации прошлого чувственного опыта, рассматривается нами как структурно-семантическая – с позиций структурно-семантического направления в современной русистике.

На морфологическом уровне семантика воспоминания/воображения передаётся не только словами определённых частей речи как таковыми (существительными, глаголами, прилагательными, наречиями), но и некоторыми их грамматическими категориями. Последние, «накладываясь» на лексические значения морфологических единиц, «каузируют» семантическое «смещение» грамматических форм в область смыслов, которые отражают многоплановость и синкретизм представления как когнитивной категории, совмещающей в себе признаки восприятия и понятия: «чувственности»/абстрагированности, предметности/процессуальности, прошлого/будущего, воспоминания/воображения.

К весьма показательным в этом плане грамматическим средствам выражения семантики представления мы, прежде всего, относим число отглагольных отвлечённых существительных, время и наклонение глаголов. Наибольшую активность в передаче семантики воспоминания/воображения в художественной прозе обнаруживают глаголы, поскольку обладают яркой частеречной спецификой. Глаголы соответствующего лексико-

семантического поля подчёркивают значимость представления для носителей русского языка как процесса «оживления» «следов» памяти и конструирования на их основе воображаемых картин – процесса всё большего отвлечения того или иного наглядно-чувственного образа от непосредственной данности объектов действительности и его включения в структуру понятия в качестве смыслообразующего компонента, обуславливающего концептуализацию и вербализацию этого понятия в слове.

«Философия процесса опирается на понятие времени» – «формы возникновения, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится; способа существования человека, в котором он необходимо должен переживать прошедшее, настоящее и будущее. Этим «трём формам времени», отмечает Б.В.Марков, «соответствуют специфические способности сознания: память, воспоминание или удержание прошлого; восприятие настоящего; воображение или ожидание будущего». Таким образом, время, по справедливому утверждению Э.М.Рянской, имеет наглядную основу в опыте людей. Именно поэтому грамматическая категория времени в русском языке маркирует в первую очередь глагольную семантику процесса (действия), который может быть отнесён к одному из временных планов. Именно поэтому данная категория выступает очень значимым грамматическим средством выражения семантики представления, которое одной формой своего существования – воспоминанием – обращено к прошлому, а другой – воображением – к будущему.

Категория времени глагола «представляет собой в русском языке систему (точнее, совокупность систем) противопоставленных друг другу рядов грамматических форм, используемых для выражения отношения действия к моменту речи или ко времени другого действия (какому-либо моменту, помимо момента речи)». Причём временные глагольные формы, по мнению Н.В.Шуваевой, образуют оппозицию «прошедшее – не-

прошедшее». Очевидно, что сильным членом данной оппозиции является прошедшее время. Этому есть когнитивное объяснение. В отличие от будущего прошедшее, как и настоящее, онтологически тяготеет к восприятию. Однако настоящее воспринимается непосредственно, тогда как прошлое в памяти воспроизводится в виде наглядно-чувственных образов. На данной ступени отвлечения восприятия от предметов действительности прошлое начинает доминировать над настоящим, «поглощая», вбирая его в себя, ибо всякое восприятие мгновенно становится «следом» памяти, представлением.

По поводу такого «превосходства» прошлого над настоящим Б.В.Марков пишет: «Сознание, воспринимая нечто как настоящее, тем не менее вносит в него своеобразную модификацию, представляя пребывающее в сознании в качестве прошлого». Это суждение есть результат развития одной из идей немецкого философа Э.Гуссерля, основателя феноменологии, который в качестве общего закона рассматривал то, что «к каждому данному представлению естественным образом присоединяется непрерывный ряд представлений, из которых каждое воспроизводит содержание предыдущего, однако таким образом, что оно постоянно прикрепляет к новому момент прошлого». Память, фиксирующая восприятия настоящего и сохраняющая их в форме наглядно-чувственных образов прошлого, становится когнитивным фундаментом воображения будущего: она обобщает и логически обрабатывает непосредственные восприятия, превращает их в представления – образы образов – и проецирует в будущее, «продвигая» ближе к понятию. Именно поэтому прошлое, «воплощаясь» в глагольных формах прошедшего времени, порождает их грамматическое противопоставление формам «непрошедшего» времени – настоящего/будущего.

Статус прошедшего времени как грамматического маркера в оппозиции временных форм глаголов находит непосредственное отражение в художественной прозаической речи: форма прошедшего времени в

литературных произведениях является самой частотной. Это мотивируется рядом причин лингвопрагматического характера.

Во-первых, доминирование в художественной прозе форм прошедшего времени «связано с основными темпоральными отношениями», реализуемыми в произведениях определённых жанров: в романах, повестях, рассказах и т.п. обычно повествуется о событиях прошлого (или будущего (в фантастике), всё равно осмысленного автором как факт прошлого).

Во-вторых, воспоминания персонажей, описываемые с помощью глаголов в форме прошедшего времени, вызывают в памяти читателя ассоциации, обусловленные его жизненным опытом, в результате чего расширяется интерпретационное поле художественного текста, усиливается личностное отношение к произведению и происходит «врастание» читателя в художественное повествование.

В-третьих, чтобы диалог автора с читателем был эффективным, образы прошлого должны стать для читателя настоящим, непосредственно воспринимаемым в мыслях. А к настоящему в языковой картине мира по своему онтологическому статусу близко именно прошлое.

В-четвёртых, «если понимать время как способ существования реальности, то прошедшее время, обозначающее процесс, который уже завершился, естественно, может использоваться для выражения тех или иных авторских оценок и быть связанным с актуализацией определённой точки зрения».

Например: *Он ходил в церковь. Становился на колени. Целовал иконы, все подряд (Г.Щербакова. Женщины в игре без правил); Я очень боялся бабушкиных проклятий... Они обрушивались на меня, я чувствовал их всем телом – хотелось закрыть голову руками и бежать, как от страшной стихии (П.Санаев. Похороните меня за плинтусом).* Очень часто в художественных прозаических контекстах с глаголами в форме прошедшего времени употребляются временные операторы – слова с темпоральной семантикой. Эти операторы могут быть абсолютными и относительными,

причём в условиях прямого употребления форм прошедшего времени – только конкретизаторами соответствующего грамматического значения, относящими «событие к тому же временному плану, что и глагольная форма»: *Приглашённая в первый раз на обед, – в далёком, желтоватой дымкой подёрнутом тридцатом году, – истуканом сидела в торце длинного накрахмаленного стола, перед конусом салфетки, свёрнутой как было принято – домиком (Т.Толстая. Соня); Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров (А.Пушкин. Дубровский); Когда-то, очень давно, на фронте, я любил рассматривать трофейное оружие (Ю.Бондарев. Мгновения. Оружие); Однажды, когда я учился в школе, мы всем классом работали на одном приморском пустыре, стараясь превратить его в место для культурного отдыха. Как это ни странно, в самом деле превратили (Ф.Искандер).*

Так, в первом примере, наряду с глагольными формами прошедшего времени, используется абсолютный временной оператор в тридцатом году, в последующих высказываниях – семантические относительные временные операторы несколько лет тому назад; когда-то, очень давно; однажды, когда я учился в школе. Функционирование подобных временных конкретизаторов в общих коммуникативных условиях с глаголами в форме прошедшего времени усиливает план прошлого и общую семантику воспоминания.

Однако в художественной прозе нередки случаи формирования описаний вспоминаемых событий формами настоящего времени глаголов, обусловленные тем, что воспоминание само может быть предметом мысленного восприятия, то есть настоящим, как бы «просматриваемым» человеком в его сознании.

Самой подвижной является форма настоящего времени несовершенного вида, которая и подвергается подобной транспозиции. При этом в контекстах с глагольными формами настоящего несовершенного обычно используется лексика со значением памяти/воспоминания или

темпоральные модификаторы, изменяющие временной план высказывания, заданный соответствующими формами глаголов.

Например: *Вот, помню, стою я на кухне и говорю по телефону. А под потолком слабая жёлтая лампа (В.Пелевин.Жизнь насекомых); Зато крепко засело в памяти другое. Мы гуляем на Чистых прудах, маленькой лопаточкой я строю из снега домик, рядом пританцовывают серые ботинки и лиловые чулки. Я не умею строить: я просто подравниваю сугроб лопаткой, прихлопываю с боков, получается что-то похожее на вздувшийся в духовке сыроватый пирог. Но я втыкаю сверху щепку – это труба, с боков криво рисую похожие на тюремные окошки, и у меня нет никаких сомнений, что я построил дом. Анна Ивановна молча... берёт у меня из рук лопатку, ловко обрезает моё сооружение со всех четырёх сторон, и вместо кривых склонов вырастают прямые, стройные стены... Очарованно гляжу на дивное сооружение (Ю.Нагибин.Я изучаю языки); Прихожу к ним однажды – это уже в студенческие годы было, на каникулах (девчонки привечали меня по старой детской памяти), – а морда сидит в очках на кухне и читает литпамятник: «Томас Манн. Письма» (Д.Рубина.Почерк Леонардо).*

В приведённых художественных прозаических фрагментах возникает значение настоящего расширенного, поскольку обязательные в подобных высказываниях слова с семантикой памяти/воспоминания (помню, в памяти) и/или абсолютные (в студенческие годы) либо относительные (однажды) временные операторы-модификаторы с семантикой продолжительности действия, указывающие на этапы процессов/событий, взаимодействуют с глаголами в форме настоящего времени определённых ЛСГ. Как правило, отмечает Н.В.Шуваева, в значениях этих глаголов актуализирована сема «Длительность».

Довольно часто глагольные формы настоящего расширенного функционируют вместе с глаголами в форме прошедшего времени, которые, собственно, и подчёркивают, что в художественном произведении описывается именно воспоминание, зрительно воспринимаемое персонажем

в мыслях: – Я один раз летел из Владивостока... – Егор поудобнее устроился на стуле, закурил новую, опять по- смотрел на четверть; бабка не пошевелилась. – Летим, значит, я смотрю в окно: горит... (В.Шукишин. Сельские жители); ...но память упрямо подсовывала другое лицо, чуть склонённое набок, победно улыбающееся. Вот она поворачивает голову, озорно и любовно, из-под низу разит взглядом огнисто-чёрных глаз, что-то несказанно-ласковое, горячее шепчут порочно-жадные красные губы, и медленно отводит взгляд, отворачивается, на смуглой шее два крупных пушистых завитка... их так любил целовать он когда-то... (М.Шолохов. Тихий Дон).

Цель переносного употребления форм настоящего времени – в значении прошедшего – «оживить» события прошлого, актуализировать наглядно-чувственный ореол высказывания. В данных примерах эти глагольные формы выделяют наиболее запомнившиеся героям и очень значимые для них факты былого : на воспоминания прошлого, помимо глаголов в форме прошедшего времени, указывают темпоральные компоненты один раз (однажды) и когда-то. Такое использование временных форм глагола Д.С.Егоров называет метафорическим и вводит понятие «временной глагольной метафоры», которая, в отличие от основных типов метафоры, «сопоставляет не сущности разного порядка... а временные планы и их субъекты восприятия (я воспринимаю событие, которое произошло вчера так, как будто оно происходит у меня перед глазами)» . При этом «метафорическое преобразование глагольной формы» в художественной прозаической речи направлено на презентацию актуального события прошлого, «в которое мысленно “погружается” говорящий» .

В значении прошедшего могут употребляться и формы будущего времени глаголов, что обуславливается неразрывной диалектической связью воображения с воспоминанием в рамках целостной когнитивной категории представления. По мнению Э.Гуссерля, все временные планы и соответствующие им формы отражения действительности – воспоминание,

восприятие и воображение – объединяются в одно неделимое время именно фантазией, «формами которой выступает не только предвосхищение будущего, но и запоминание прошлого и даже восприятие настоящего» . В случаях переносного функционирования глагольных форм будущего времени – в значении прошедшего – обязательно используются лексические средства с семантикой прошлого, чаще всего компонент бывало. Например: – *Забьётся, бывало, в угол, надуется и начнёт фантазировать (М.Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы); – Бывало, стану я рассматривать его умное, красивое, светлое лицо... сердце моё задрожит, и всё существо моё устремится к нему... (И.Тургенев. Первая любовь).*

В приведённых фрагментах бывало в качестве вводно-модального слова реализует сему «Повторяемость действия в прошлом», отсылающую ко второму лексическому значению бытийного глагола *бывать*: «2. Быть часто, постоянно или иногда» . Употребление глагольных форм будущего времени в прямом значении задаёт в художественной прозе однозначные описания воображаемых картин. Формы будущего времени, функционируя преимущественно в прямой и несобственно-прямой речи персонажей, менее частотны по сравнению с формами прошедшего времени, но весьма показательны в плане выражения семантики воображения, которое устремлено в будущее: – *Занавески повесим, телевизор купим... (Ю.Буйда. Сестра моя смерть); Даша – ему: – Будем жить в бревенчатом доме, чистом-чистом, с капельками смолы, с большими окнами... В зимнее утро будет пылать камин... (А.Толстой. Хожделение по мукам).*

Как отмечает Т.А.Логунов, лингвистическая категория будущего не является первичной по времени образования , так как в русском языке она развивалась под влиянием, прежде всего, когнитивного фактора – последовательного формирования более абстрактных представлений о времени, то есть была «обусловлена общим процессом познания объективной действительности» . Поскольку будущее внутренне связано с модальностью, имеет ирреальную природу и гносеологически противопоставлено

прошедшему и настоящему, соответствующая категория в языке наиболее проблемна для собственно лингвистического изучения, но вместе с тем очень значима для понимания когнитивного механизма отражения будущего в языковой картине мира. Ирреальная природа будущего более абстрактна относительно более «чувственных» прошедшего и настоящего.

В плане реализации в художественной прозаической речи категория будущего времени с внутренне присущей ему субъективностью более всего зависит от условий контекста, отражающего экстралингвистическое содержание высказывания. Автор этого высказывания всегда имеет свою, индивидуальную точку зрения на будущее действие/событие, которое относится к сфере предполагаемого, возможного, необходимого, желаемого. Говорящий/пишущий воспринимает пока ещё идеальное будущее в определённой модальности, преобразуя его в факты субъективной реальности, что становится значимой характеристикой адресанта, «высвечивающей» характерные особенности его мировосприятия: *Она представляла себе, как ляжет на полку в вагоне СВ, выпьет чай из стакана в подстаканнике и уснёт под мерный стук колёс и бряцанье ложечки в такт ритму поезда (М.Трауб. Идеальный мужчина).*

В приведённом отрывке воображаемая картина очень желательна для уставшей героини, привыкшей к обыденности жизни. Коммуникативный контекст формирует соответствующую модальность высказывания с помощью компонентов представляла себе; чай из стакана в подстаканнике, под мерный стук колёс и бряцанье ложечки в такт ритму поезда. Содержание придаточной части данного сложноподчинённого предложения – это содержание экстралингвистической ситуации (причём весьма типичной для пассажира поезда вообще и героини в частности), в которой должно сбыться желание лечь на полку, выпить чай и уснуть. Поскольку «восприятие будущего есть основа всякой целенаправленной деятельности, отличающей человека как существо, способное моделировать и планировать свои действия именно в плане наступающего времени», соответствующий этому

времени «фрагмент модальности (в широком смысле) демонстрирует самый “вектор поведения” человека в мире, его направление вовне или внутрь субъекта».

Например: «...– Ну, а потом? – спрашивал я сам себя... и возвратился к началу рассуждений: – Для приготовления к лекциям я буду ходить пешком на Воробьёвы горы; выберу себе там местечко под деревом и буду читать лекции; иногда возьму с собой что-нибудь закусить... Отдохну и потом стану читать какую-нибудь хорошую книгу, или буду рисовать виды, или играть на каком-нибудь инструменте (неприменно выучусь играть на флейте!). Потом она тоже будет ходить гулять на Воробьёвы горы и когда-нибудь подойдёт ко мне и спросит: кто я такой? Я посмотрю на неё так печально и скажу, что я сын священника одного и что я счастлив только здесь, когда один, совершенно один-одинёшенек. Она подаст мне руку, скажет что-нибудь и сядет подле меня. Так каждый день мы будем приходить сюда...» (Л.Толстой. *Отрочество*). Так как «будущему по самой его природе присуща своя особая модальность – модальность потенциального действия», отражающего внутренние потенции и стремления адресанта, формы будущего времени, по замечанию Н.А.Николиной, характеризуются высшей степенью аксиологичности. Они могут выделять возникающие в воображении говорящего/пишущего объекты, факты, ситуации, события как наиболее важные для него и эстетически мотивированные в художественном произведении: *Поднимаясь по лестнице, я думал о том, как Лана... будет читать сегодня вечером эти волнующие строки, а потом позвонит, чтобы выразить восхищение, тут-то я и назначу встречу* (И.Фролов. *Наша маленькая скрипка*).

Как известно будущее время глагола имеет две формы: простую и сложную. Вместе с тем в современной русистике наблюдается тенденция к неоднозначной квалификации первой. Так, например, Т.А.Логунов считает, что в русском языке форма будущего времени совершенного вида, подвергшись «функциональному сдвигу», в морфологическом отношении

представляет собой форму настоящего времени. А.В.Кравченко утверждает, что эту форму вообще нельзя считать показательной для категории глагольного времени «с точки зрения механизмов языковой категоризации» .

А.В.Бондарко трактует форму типа открою «как семантически двойственную», потому что она «обладает двумя частными значениями – будущего и настоящего неактуального, полностью оправдывая, таким образом, название формы настоящего-будущего совершенного» . Лингвист подчёркивает, что «значение настоящего времени исторически свойственно данной форме: оно было присуще ей в древнерусском языке, оно сохранилось за нею и в языке современном» . Однако в ходе формирования видовой системы актуальным стало значение будущего, тогда как значение настоящего ослабло и отошло на второй план. Неслучайно высказывания с формами «настоящего-будущего совершенного» описывают воображаемые говорящим/пишущим процессы, которые как бы непосредственно наблюдаются им и «встраиваются» в кажущееся непосредственным восприятие .

Например: *Поначалу она часто представляла, как вернётся во двор и как все обалдеют от того, что у неё есть настоящий ребёнок (С.Чураева. Чудеса несвятой Магдалины); Раньше я тоже мечтала: замуж пойду, муж колечко подарит (Е.Чижова. Время женщин); Завтра приедет из Питера муж, заглянут дети с внуками, а я ничего этого не увижу (И.Кедрова. Девять жизней); Она лежала с открытыми глазами и думала, как в будущем году поедет с Никой в зимний лагерь (Л.Улицкая. Медя и её дети)*.

По мнению А.В.Бондарко, «основным (главным) значением формы настоящего-будущего совершенного» является значение будущего , которое в художественном прозаическом контексте подчёркивается употреблением лексики с семантикой представления или интеллектуальной деятельности, в которой актуализируется наглядно-чувственный компонент – компонент воображения, а также темпоральных операторов со значением будущего. В приведённых фрагментах актуализаторами семантики будущего –

воображения – выступают глаголы представляла, мечтала, думала и относительные семантические временные операторы завтра и в будущем году. Вместе с тем в художественной прозе встречаются случаи использования в высказываниях с формами «настоящего-будущего совершенного», наряду со словами ментальной деятельности человека, «краткого относительного временного оператора» сейчас, который как бы уравнивает значения будущего и настоящего времени и фундирует корректность термина «настоящее-будущее совершенное» по отношению к формам типа открою: *Граф лёг в постель, но вдруг так ясно вообразил, как молния сейчас попадёт в крышу и пройдёт насквозь через все этажи, обратив его мимоходом в судорожно скрюченного негра, – что с бьющимся сердцем вскочил (В.Набоков. Занятой человек); Мысленно, шаря глазами по изгороди, он уже прикидывал, как выхватит сейчас жердь, а затем со всей яростью обрушит её на волка (Ф.Абрамов. Последняя охота).*

Специфическим синхронным признаком аналитической формы будущего времени считается то, что её грамматическое значение выражается вспомогательным глаголом быть, сохраняющим семантику бытийности и развивающим семантику представления , а вещественное – значение будущего действия/события – инфинитивом. Раздельнооформленный характер сложной формы будущего времени обуславливается «поздней грамматизацией изначально свободных сочетаний полнозначных слов» и вторичностью «грамматической функции отнесения действия к будущему» . Например: *«Буду каждое воскресенье ходить непременно в церковь и ещё после целый час читать Евангелие, потом из беленькой, которую я буду получать каждый месяц... непременно два с половиной (одну десятую) я буду отдавать бедным, и так, чтобы никто не знал: и не нищим, а стану отыскивать таких бедных, сироту или старушку, про которых никто не знает» (Л.Толстой. Отрочество)*.

Сравнивая аналитические формы будущего времени в русском и английском языках, Т.А.Логунов отмечает, что в русском языке в таких

формах «акцент падает на само действие с объектом, изменение последнего, поэтому объект здесь оказывается более вовлечённым в смысловые отношения, отражающие структуру обозначаемой ситуации». Очень частотны в художественной прозаической речи контексты, в которых совместно функционируют формы «настоящего-будущего совершенного» и сложного будущего времени: *Мечтаешь: Святки, ёлка, в театр поедем... Плотник Семён кирпичиков мне принесёт и чурбачков, чудесно они пахнут ёлкой!.. Придёт и моя кормилка Настя, сунет апельсинчик и будет целовать и плакать, скажет – «выкормочек мой... растёшь...»* (И.Шмелёв. *Лето Господне*); *Вот вырастет Тишка боль-шой, женится и тоже будет учить жену* (Д.Мамин-Сибиряк. *Озорник*); *Потом – мечтает: – Вы- учусь, начитаюсь – пойду вдоль всех рек и буду всё понимать! Буду учить людей!* (А.Горький. *Мои университеты*); *Куплю масла! Килограмм масла! И буду есть с хлебом, супом, кашей. И сахару! И сумку достану у кого-нибудь – торбочку с бечёвочным шнурком* (В.Шаламов. *Посылка*).

Подобные фрагменты могут образовывать сложные синтаксические целые объёмом на одну-две страницы художественного текста, как, например, в автобиографической трилогии Л.Н.Толстого «*Детство. Отрочество. Юность*». Нанизывание форм «настоящего-будущего совершенного» и аналитического будущего времени становится мощным художественным приёмом создания ярких, эмоционально-экспрессивных описаний воображаемых картин: *Кто мне мешает крикнуть – привстать, обернуться назад и крикнуть: – Пожар! Спасайтесь, пожар! Судорога безумия охватит их спокойные члены. Они вскочат, они заорут, они завоюют, как животные, они забудут, что у них есть жёны, сёстры и матери, они... в безумии своём будут душиить друг друга... Пустят яркий свет, и кто-то бледный со сцены будет кричать, что... пожара нет... а они не будут слышать ничего – они будут душиить, топтать ногами, бить женщин по головам... Они будут отрывать друг у друга уши, отгрызать носы, они изорвут одежду до голого тела и не будут стыдиться, так как они безумны.*

Их... женщины будут визжать... а они будут злобно бить их в красивое, поднятое лицо и рваться к выходу. Ибо они всегда убийцы, и их спокойствие, их благородство – спокойствие сытого зверя, чувствующего себя в безопасности (Л.Андреев. Красный смех). Поскольку будущее время всегда модально, в конструкциях с формами «настоящего-будущего совершенного» и сложного будущего нередко используются вводно-модальные слова, которые выступают носителями таких модальных значений, как уверенность/неуверенность, убеждённость/ гипотетичность, и представляют будущее не просто как предполагаемое, возможное, желаемое, а как прогнозируемое (прогноз – «основанное на специальном исследовании заключение о предстоящем развитии и исходе чего-н.»): вводно- модальные компоненты указывают на определённый объём знаний говорящего/пишущего, позволяющий ему в момент речи делать закономерные «выводы/предположения относительно вероятности наступления будущей ситуации».

Например: *Если меня ранят, попаду я в госпиталь. Наемся. Приеду в отпуск домой. Пойду в школу. И все увидят мои костыли. И нашивку за ранение на груди. И, может быть, медаль мне дадут, так её тоже увидят. И выйдет Женя. И уже она не будет смеиваться. А все будут смотреть то на неё, то на меня (Б.Окуджава. Будь здоров, школяр);* Так что про мать он мечтал только в общих чертах: наступит время, он, конечно, спасёт и её, вытащит из дурки, отыщет хороших врачей, и они её обязательно вылечат... Вот и будет она жить себе дальше, учить детей... (М.Кучерская. Пригодное для жилья).

Использование в первом высказывании вводно-модального компонента может быть характеризует будущее действие как в равной мере вероятное наряду с другими возможными вариантами его воплощения в жизнь . Вводно-модальное слово конечно во втором предложении подчёркивает уверенность, убеждённость героя в действительной реализации воображаемых действий в очень неопределённом будущем. Подавляющее

большинство художественных прозаических фрагментов с формами «настоящего-будущего совершенного» и аналитического будущего времени представляют собой сложноподчинённые предложения нерасчленённой структуры, в которых обычно объектно-изъяснительные придаточные части, раскрывающие содержание воображаемых картин, относятся и распространяют контактные слова – обычно глаголы – со значением представления или интеллектуальной деятельности. Анализируя такие синтаксические конструкции с семантической точки зрения, Е.Ю.Парешнев указывает, что в связи с обозначением будущего процесса в них «широко представлена условная перцептивность», которая «в зависимости от контекстуальных условий представления воображаемого действия» может быть образной или ментальной, выражающейся, соответственно, глаголами воображения (воображать, мечтать, казаться, представлять) или ментальными глаголами (знать, думать): «Когда-то... я мечтал о том, что приду к ней, как Овод, и брошу к её ногам доказательства своей правоты (В.Каверин. Два капитана); Я представил, как выбегу сейчас из храма и изо всех сил запущу этим драгоценным, но конечно же бранным с точки зрения вечности подсвечником о каменную паперть! (Архимандрит Тихон. Отец Гавриил)». В значении будущего времени в художественной прозаической речи довольно активно употребляются глагольные формы настоящего времени несовершенного вида, которые создают эффект непосредственного восприятия воображаемых картин и активного мысленного участия персонажей в соответствующих ситуациях или их активного отношения к конструируемым в сознании наглядно-чувственным образам будущих событий. Например: Головкер представлял себе момент возвращения. Вот он прилетает. Едет в гостиницу. Берёт напрокат машину. Меняет по курсу тысячу долларов (С.Довлатов. Встретились, поговорили); И ещё попросил представить, что у меня в руках банка с муравьями... И вот ползают они там друг по дружке: на лапки наступают, на головы, на усы... И вдруг какой-то муравьишка поднимается по стёклышку, поднимается... Наконец подползает

к вашему пальцу и, почувствовав тепло, в благоговении замирает... (Священник Ярослав Шипов. Ужин у архиерея). Безусловно, «если морфологическая форма глагола не указывает на будущее время», то план будущего в высказывании создаётся «чисто лексическими средствами» – глаголами со значением воображения, как в предыдущих фрагментах, или предикативными сочетаниями с общей семантикой представления, уточняемой предложно-падежными формами существительных воображение, мечта и т.п., – в последующих: Нелепые картины рисовались мне. Вот солдата начинает трясти. Сперва он ходит, рассказывает про Керенского и фронт, потом становится всё тише. Ему уже не до Керенского. Солдат лежит на ситцевой подушке и бредит. У него –40°. Вся деревня навешает солдата. А затем солдат лежит на столе под образами с заострившимся носом (М.Булгаков.Записки юного врача); Даже такие картины рисовались в его воображении: сидит он, Василий Петрович, уже старый, седой учитель, у себя, в своей скромной квартире, и посещают его бывшие его ученики, и один из них – профессор такого-то университета, известный «у нас и в Европе», другой – писатель, знаменитый романист... (В.Гаршин.Встреча).

В художественный контекст будущего нередко переносятся глагольные формы прошедшего времени совершенного вида, которые способны выражать неактуальное значение будущего . Например: Ночью – должно быть, уже под утро, – дверь раскрылась, с размаху грохнула о бочку, и Софья выбежала на улицу. Она знала, что конец, что назад уже нельзя. Громко, навзрыд плача, она побежала к Смоленскому полю, там в темноте кто-то зажигал спички. Она споткнулась, упала – руками прямо в мокрое. Стало светло, она увидела, что руки у неё в крови. Софья проснулась (Е.Замятин. Наводнение); Стадо оленей, необыкновенно красивых и грациозных, о которых он читал вчера, пробежало мимо него... (А.Чехов. Палата № 6). Очевидно, что значение будущего в первом высказывании формируется благодаря использованию глагола проснулась, то есть очнулась от сна, под которым в психологии понимается особое физиологическое состояние

человека, сопровождающееся работой непроизвольного воображения, в качестве результата «выдающего» «2. То, что снится, грезится спящему, сновидение» – «(книжн.) Образы, картины, возникающие во время сна, во сне, сон (во 2 знач.)». Глагол проснулась (а до этого момента спала и видела сон), ассоциативно связанный с ЛСГ воображения (типичным представителем данной ЛСГ является глагол снится), подчёркивает, что всё описанное формами прошедшего времени есть зримая во сне ирреальная комбинация реальных объектов действительности, отражённых в памяти Софьи в виде «образов-следов». Приведённый отрывок интересен тем, что в нём актуализируется когнитивная связь воспоминания и воображения: сновидение – непроизвольно воображаемая во сне картина – на момент пробуждения человека уходит в прошлое и становится воспоминанием. Ещё ярче в этом отношении второе высказывание, в котором слово со значением воображения отсутствует. Однако понятно, что стадо оленей пробежало не в реальной – адекватно отражаемой – действительности, а в большой фантазии персонажа (фантазия – «3. нечто надуманное, неправдоподобное, несбыточное»), близкой к галлюцинации – «обману чувств, ложному восприятию вследствие психического расстройства». Словосочетание читал вчера, где глагол «высвечивает» семантику воспоминания написанного, которое герой воспринимал, «произнося или воспроизводя про себя», а наречие вчера в качестве относительного семантического временного оператора точно указывает на план прошлого, подчёркивает, что возникший в воображении персонажа наглядно-чувственный образ ситуации не оторван от действительности абсолютно, но он, приведённый в движение силой иллюзии, мысленно «оживший», есть факт ирреальной действительности, которая только на мгновение была зрительным восприятием, настоящим, но через это мгновение снова стала прошлым. Уникальным художественным примером взаимопроникновения и взаимодействия всех временных планов в результате употребления слов с семантикой воображения и глагольных форм в переносном временном значении является сложное синтаксическое целое, в

котором описывается сон князя Андрея – одного из главных героев романа-эпопеи Л.Н.Толстого «Война и мир»: *Он видел во сне, что он лежит в той комнате, в которой он лежал в действительности, но что он не ранен, а здоров. Много разных лиц, ничтожных, равнодушных, являются перед князем Андреем. Он говорит с ними, спорит о чём-то ненужном. Они собираются ехать куда-то. Князь Андрей припоминает, что всё это ничтожно и что у него есть другие, важнейшие заботы, но продолжает говорить, удивляя их, какие-то пустые, остроумные слова. Понемногу, незаметно все эти лица начинают исчезать, и всё заменяется одним вопросом о затворённой двери. Он встаёт и идёт к двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть её. Оттого, что он успеет или не успеет запереть её, зависит всё. Он идёт, спешит, ноги его не двигаются, и он знает, что не успеет запереть дверь, но всё-таки болезненно напрягает все свои силы. И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно. Но в то же время как он бессильно- неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны уже, надавливая, ломится в неё. Что-то не человеческое – смерть – ломится в дверь, и надо удерживать её. Он ухватывается за дверь, напрягает последние усилия – запереть уже нельзя – хоть удерживать её; но силы его слабы, неловки, и, надавливаемая ужасным, дверь отворяется и опять затворяется. Ещё раз оно надавило оттуда. Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло, и оно есть смерть. И князь Андрей умер. Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся (Л.Толстой.Война и мир).*

Итак, грамматическое время глагола отражает в языке «объективное, действительно существующее и неделимое время». Прошлое воспроизводится человеком в воспоминании, а будущее конструируется им в воображении, поэтому для выражения семантики представления в художественной прозаической речи актуальными являются глагольные

формы прошедшего и будущего времени. Когнитивный, структурно-семантический и функциональный анализ этих форм позволяет сделать вывод о том, что грамматическое значение времени и связанная с ним семантика представления «накладываются» на лексическое значение глагола, в результате чего возникает сложная, многокомпонентная, комплексная лексико-грамматическая семантика: глагол в форме прошедшего времени обозначает вспоминаемое действие, событие в прошлом, а в форме будущего времени – воображаемый процесс, предполагаемую ситуацию в будущем.

Маркированной в оппозиции глагольных временных форм («прошедшее – непрошедшее») является форма прошедшего времени, что объясняется когнитивным характером воспоминания как особенно «чувственной» наглядной основы для воображения и далее для понятия. Кроме того, воспоминание, будучи отражением прошлого, постоянно «поглощает» настоящее, превращая восприятия в «следы» памяти.

В художественных контекстах с формами прошедшего времени глаголов очень активно функционируют абсолютные и относительные временные операторы – конкретизаторы соответствующего значения или модификаторы другого временного значения в значении прошедшего времени при переносном употреблении морфологических глагольных форм. Формы прошедшего времени глаголов самые частотные в художественной прозе, поскольку отвечают специфике жанров произведений и способам эффективного воздействия на память и воображение читателей. Только в прямой и несобственно-прямой речи используются глагольные формы будущего времени. Уступая в частотности формам прошедшего времени, они, отражая ирреальную природу будущего, субъективность, модальность и аксиологичность воображаемых картин, гипотетичность и проспективность представляемых событий, позволяют выявить доминанты в мировосприятии и миропонимании персонажей художественных произведений, поскольку именно воображаемые действия раскрывают внутренний потенциал личности литературного героя и многогранно характеризуют её.

Формы будущего времени глаголов, более чем глагольные формы прошедшего времени, нуждаются в кон- текстуальной «поддержке», которая заключается не только в употреблении слов ЛСП представления или интеллектуальной деятельности (при актуализации в лексических значениях наглядно-чувственного компонента), временных операторов, вводно-модальных слов, но и в описании экстралингвистических факторов, порождающих ситуацию воображения, ситуацию будущего.

Типичной глагольной формой будущего времени в русистике однозначно признана аналитическая, в которой грамматическое значение выражается вспомогательным глаголом быть, а смысловой акцент делается на воображаемом процессе/действии/событии и осуществляющем его или участвующем в нём субъекте, что передаётся соответствующим инфинитивом. Так называемая простая форма будущего времени глагола типа открою большинством учёных квалифицируется как синкретичная форма «настоящего-будущего совершенного», в которой основным является значение будущего, а второстепенным – значение настоящего. Эта форма обязательно требует использования в одном художественном контексте лексики со значением воображения и слов с общей темпоральной семантикой.

Многочисленные случаи переносного употребления временных форм глаголов подчёркивают когнитивную целостность времени, которая обнаруживает себя в диалектической взаимосвязи и взаимодействии всех временных планов – прошлого, настоящего и будущего. Возникающие в художественной прозаической речи глагольные временные метафоры создают особый – процессуальный – образный фон произведения и усиливают экспрессивность описываемых воспоминаний и воображаемых картин.

3.2. Транспозиция временных значений глагола как одна из языковых особенностей художественных произведений XIX века

Одной из ярких черт стиля прозаических произведений XIX века является транспозиция временных значений глагола. Она характеризует как речь автора, так и речь персонажей, делая ее более выпуклой и динамичной. Противоречие между контекстной темпоральностью и грамматическим значением представленной в нем формы создает определенный стилистический эффект, направленный на выражение более тонких нюансов процессуальности.

Картина мира, моделируемая в тексте, оказывается пропущенной через индивидуальное сознание автора, что и определяет имплицитно или эксплицитно выраженное присутствие субъекта речи в любом речевом произведении. При этом авторское слово вводится в косвенной форме (имплицитный автор) или персонифицируется (эксплицитный автор).

Имплицитный автор – это повествовательная инстанция, не воплощенная в художественном тексте в виде персонажа-рассказчика, но воссоздаваемая читателем в процессе чтения как подразумеваемый образ автора, или псевдоавтор.

Под эксплицитным же автором понимается образ рассказчика, ведущего повествование от своего лица, т.е. "фиктивный" автор всего произведения или его части, выступающий в качестве персонажа мира художественного текста. Именно "фиктивный" автор присутствует в анализируемом нами романе М.Ю.Лермонтова.

Уникальность данного произведения состоит в том, что в нем есть три эксплицитных автора: странствующий офицер, Печорин и Максим Максимыч. В первой части романа (новеллы "Бэла" и "Максим Максимыч") действуют все трое, но повествование автора перемежается только с повествованием Максима Максимыча, которому как рассказчику принадлежит в "Бэле" ведущая роль.

Вторая часть романа включает три новеллы ("Тамань", "Княжна Мери" и "Фаталист"), объединенные образом Печорина; это его записки, сопровождаемые предисловием автора, его журнал и дневник. В романе М.Ю.Лермонтова мы имеем дело с субъективированным повествованием, формально выраженным первым лицом единственного числа, которое ведется персонифицированным рассказчиком: он либо излагает собственную историю, либо описывает события, которые сам наблюдал.

Каждому персонажу-рассказчику присуща особая, смоделированная автором художественного произведения коммуникативная стратегия.

Под коммуникативной стратегией мы, вслед за Т.В.Губернской, понимаем "совокупность представлений адресанта об оптимальной для него модели коммуникации, включающей в себя понятия цели, позиции и прагматических интересов, а также о путях реализации этой модели в общении. Коммуникативная стратегия – одна из важнейших черт повествователя, именно она позволяет автору художественного произведения моделировать речевое поведение персонажей-рассказчиков".

Рассмотрим основные виды транспозиции временных значений глагола на материале текста романа М.Ю.Лермонтова "Герой нашего времени".

Настоящее время при обозначении будущих действий имеет две разновидности. Первая разновидность – настоящее время намеченного действия. Контраст между значением будущего, обусловленным контекстом, и значением формы настоящего времени ослабляется модальными оттенками намерения, готовности, решимости осуществить действие или уверенности в том, что оно произойдет.

В тексте романа это одна из наиболее заметных разновидностей транспозиции настоящего времени:

- Я вам говорю, что он здесь, я это чувствую... я отдаю (= отдам) вам свою голову, если его здесь нет!..

В данном употреблении выступают глаголы, которые могут обозначать действие преднамеренное, зависящее от воли субъекта, такие как *идти, ехать, вылетать, отправляться, возвращаться, обедать, ужинать, завтракать, пировать, встречать, начинать, брать, получать, посылать и др.*

Например:

- ... *Я виноват перед тобою и должен наказать себя: прощай, я еду (= поеду) – куда? Почему я знаю?*

В этой сцене прощания с Бэлой Печорин только собирается уезжать, однако чтобы показать всю свою решимость к разрыву отношений и тем самым приблизить Бэлу к себе, он использует глагол в форме настоящего времени. Часто в подобных случаях обстоятельства времени в контексте уточняют, что речь идет о действиях, которые совершатся после момента речи:

-... *Поезжай и скажи, что послезавтра я его жду (= буду ждать) к себе в гости.*

Вторая разновидность – настоящее время воображаемого действия. Говорящий рисует картину будущих действий, которые предстают как протекающие перед его глазами.

Сравним: *Вообразите же, что вы встречаетесь (= встретитесь) с ней потом, через несколько времени, в высшем обществе; встречаетесь где-нибудь на бале... Она танцует (= будет танцевать). Около вас льются (= будут литься) упоительные звуки музыки, сыплется (= будет сыпаться) остроумие высшего общества.*

Грамматическая основа образного представления воображаемых действий – категориальное значение формы настоящего времени – та же, на которой в настоящем историческом строится метафорическая передача прошедших действий.

В настоящем историческом форма настоящего времени используется в рассказе о прошлом как средство образной актуализации прошедших

событий. Настоящее историческое как живой и непосредственный прием актуализации прошедших событий (когда действия изображаются так, как будто они протекают перед глазами говорящего) характерно для устной речи в условиях непосредственного общения, соответственно для прямой речи персонажей:

Сравним:

- Раз приезжает (= приехал) к нам сам старый князь звать нас на свадьбу ...

В таких случаях в контекст обычно вставляются разного рода уточнения обстоятельств прошедших действий: *как-то, раз, однажды, в то время и т.п.*

Данная форма используется Лермонтовым и в авторской речи. Он рисует иногда целые картины, используя настоящее историческое:

...Он остался дома, бродит (= бродил) по комнатам, ищет (= искал) рассеянья, обрывает (= обрывал) клочки раскрашенных обоев; ... он идет (= пошел) в ту сторону и вступает (= вступил) в небольшую комнату...

В условиях литературного авторского повествования настоящее историческое обычно перестает быть непосредственным актом метафорического представления прошлого как происходящего перед глазами говорящего (пишущего). Настоящее историческое в подобных условиях используется лишь как один из возможных временных планов повествования, связанный с экспрессивной образностью.

Яркий стилистический эффект создает и транспозиция будущего времени. Так, показателем разговорности речи является использование форм будущего времени в значении прошедшего. М.Ю.Лермонтов обычно включает подобные примеры в речь своих персонажей из простого круга.

Например, речь Максима Максимыча:

-...Все иззябнут, устанут (= устали, иззябли) – а ему ничего.

Если контекст ограничивает временные рамки действия планом прошедшего времени (обычно с помощью слова бывало, то употребление формы будущего простого всегда является переносным:

-...И девушки не те стали... бывало, слово лишнее услышат – покраснеют (= слышали – краснели) ...

Основой такого употребления является функция настоящего неактуального, реализующаяся в контексте со значением прошедшего времени.

Форма будущего простого времени глагола может выступать в переносном употреблении в контексте настоящего неактуального:

- Что вы ко мне никогда не заедете (= не заезжаете)? – говорили ему.

- Хорошо вам радоваться, а мне так, право, грустно, как вспомню (= вспоминаю)

Форма будущего сложного, как правило, реализует свое категориальное значение в прямом употреблении. Однако возможно и переносное употребление этой формы. В произведениях М.Ю.Лермонтова такие значения весьма редки. Это может быть, например, употребление формы будущего сложного в контексте абстрактного настоящего, модальные оттенки которого связаны со значением будущего времени. Это обычно оттенок уверенности в постоянной готовности субъекта к осуществлению действия:

... Первым делом ему нужно гнилой товар продать, три года будет врать божиться, плакать (= врет, божится, плачет), – подсовывать (= подсовывает) гнилое, покуда и свежее у него не сгниет.

В подобных случаях модальный оттенок подчеркивается лексическим выражением длительности (битый час, три года, целый день): утверждается, что субъект готов осуществить (и постоянно осуществляет) даже исключительные по своей длительности действия.

Формы прошедшего времени глаголов могут выступать при обозначении будущих действий. Контекст указывает на будущее, форма же прошедшего времени сохраняет свое категориальное значение. В результате объективно будущее действие представляется так, как будто оно уже осуществилось.

Особенно часто в таком употреблении выступают формы прошедшего времени глаголов погибнуть, пропасть.

В произведениях М.Ю.Лермонтова такая разновидность транспозиции прошедшего времени встречается редко:

- *...Если мы пойдем далее, то, не зная окрестностей, забредем бог знает куда и попадемся в руки казаков; тогда я неизбежно погиб (= погибну).*

- *...Если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало (= пропадет).*

Формы глаголов прошедшего времени могут использоваться в значении абстрактного настоящего для наглядной конкретизации обычного действия. Демонстрируется единичный факт, который представлен так, как будто он уже осуществился, но контекст указывает на то, что такие факты обычны, причем их обычность отнесена к широкому плану настоящего:

- *Экой разбойник! – сказал второй казак, – как напьется чихиря, так и пошел крошить (= начинает крошить) все, что ни попало...*

Итак, проанализировав прозаические произведения М.Ю.Лермонтова можно обобщить следующее:

- художественные тексты 19 века дают богатый материал для изучения русского глагола, в частности, выявления особенностей функционирования и транспозиции в художественной речи его временных значений;

- анализ романа "Герой нашего времени" показал, что для прозы М.Ю.Лермонтова характерны все основные переносные значения форм времени русского глагола. Однако самыми продуктивными и яркими при этом являются значения настоящего исторического, будущего в значении настоящего неактуального, прошедшего в значении настоящего абстрактного неактуального. Расхождение языкового значения со значением контекста при транспозиции времен глагола придает произведениям Лермонтова особую динамичность и экспрессивность.

3.3. Транспозиция временных значений глагола как одна из языковых особенностей художественных произведений XX века

Обращение к проблемам художественного времени и пространства со стороны не только литературоведения, но и языкознания продиктовано непреходящим интересом исследователей к способам и средствам организации эстетической действительности произведения и его внутреннего мира, к тексту как художественной и речевой единице и одновременно определенной временно-пространственной организации, к художественному языку и возможностям его использования в художественном тексте.

В современной науке вопрос организации художественного времени и пространства определенными языковыми средствами изучен на материале классических художественных произведений (Н.В.Гоголя, М.Е.Салтыкова-Щедрина, М.Ю.Лермонтова и др.). Язык художественных произведений 20 века и, в частности, произведений Людмилы Петрушевской остается открытым для внимания исследователей.

Художественное время – форма бытия эстетической действительности, особый способ познания мира. Особенности моделирования времени в литературе определяются спецификой данного вида искусства: «литература традиционно рассматривается как искусство временное: в отличие от живописи она воссоздает конкретность течения времени» [1, 1970: 139]. Эта особенность литературного произведения определяется свойствами языковых средств, формирующих его образный строй: «грамматика определяет для каждого языка порядок, который распределяет пространство во времени» [2, 1977: 124].

А.А.Потебня, выдвигая тезис о том, что искусство слова динамично, показал безграничные возможности организации художественного времени в тексте. Текст рассматривался им как диалектическое единство двух композиционно-речевых форм: описание («изображение черт, одновременно существующих в пространстве») и повествования («повествование превращает ряд одновременных признаков в ряд последовательных

восприятий, в изображение движения взора и мысли от предмета к предмету» [69, 289].

Сопоставление реального и художественного времени обнаруживает их различия. Типологическими свойствами реального времени являются одномерность, непрерывность, необратимость, упорядоченность. В художественном времени все эти свойства преобразуются. Оно может быть многомерным, это связано с самой природой литературного произведения, имеющего, во-первых, автора и предполагающего наличие читателя, во-вторых, границы - начало и конец.

По мнению Ц.Тодорова, в тексте возникают две временные оси: «ось рассказывания» и «ось описываемых событий» [76, 66]. Их соотношение порождает многомерность художественного времени, делает возможными временные смещения, обуславливает множественность временных точек зрения в структуре текста.

Произведения современной литературы характеризуются такими темпоральными признаками, как временные смещения, нарушение временной последовательности, переключение темпоральных регистров. Разнонаправленность, обратимость художественного времени особенно ярко проявляется в литературе XX в. – возникает роман «потока сознания», роман «одного дня», последовательный временной ряд в которых разрушается, а время выступает лишь как компонент психологического бытия человека. Эта тенденция распространяется и на произведения малой прозы – рассказы, новеллы – в которых художественное время также является условным, многомерным, обратимым и дискретным.

Художественное пространство – одна из форм эстетической действительности, творимой автором. Это диалектическое единство противоречий: основанное на объективной связи пространственных характеристик (реальных или возможных), оно субъективно, бесконечно и в то же время конечно.

В художественном тексте преобразуются и носят особый характер общие свойства реального пространства (протяженность, непрерывность / прерывность, трехмерность) и частные (форма, местоположение, расстояние, границы между различными системами).

В художественном произведении выделяются пространства персонажей. Их взаимодействие делает художественное пространство всего произведения многомерным, объемным и лишенным однородности, в то же время доминирующим в плане создания целостности текста и его внутреннего единства остается пространство повествователя, подвижность точки зрения которого позволяет объединить разные ракурсы описания и изображения.

«Воспроизведение (изображение) пространства и указание на него включается в произведение как кусочки мозаики. Ассоциируясь, они образуют общую панораму пространства, изображение которого может перерасти в образ пространства» [5, 44].

Художественное пространство неразрывно связано с художественным временем, взаимосвязь временных и пространственных отношений являет собой хронотоп художественного произведения.

М.М.Бахтин выявил основные аспекты взаимосвязи времени и пространства в художественном тексте, среди которых важным для настоящего исследования является следующее: «одни и те речевые средства могут выражать и временные, и пространственные характеристики» [6, 235].

В художественном языке сформировалась определенная система средств выражения и организации хронотопа. Художественное время опирается на следующие средства: систему видо-временных форм глагола, их последовательность и противопоставление, транспозицию форм времени; лексические единицы с темпоральной семантикой; падежные формы со значением времени; хронологические пометы; синтаксические конструкции, которые создают определенный временной план (в частности, номинативные предложения, представляющие план настоящего времени); имена

исторических деятелей, мифологических героев; номинации исторических событий.

Средствами выражения пространственных отношений в тексте и указания на различные пространственные характеристики служат такие языковые единицы: синтаксические конструкции со значением местонахождения, бытийные предложения, предложно-падежные формы с локальным значением, глаголы движения, глаголы со значением обнаружения признака в пространстве, наречения места, топонимы, пространственные метафоры и др.

Перейдем к анализу языковых средств выражения художественного времени и пространства в произведениях Л.Петрушевской.

Художественное время и пространство в рассказах писателя неоднородно: в одних реально и соотнесено с историческим, в других предстает как условное и устанавливается самим автором. Более того, подобная неоднородность прослеживается в разных эпизодах в пределах одного повествования.

Так, например, в рассказе «Али-Баба» реальное художественное время-пространство имеет несколько планов выражения. Первое и основное определение временного и пространственного обозначения – день в пивбаре.

По отношению к времени повествователя оно реальное, события происходят в настоящем и развиваются последовательно:

Сравним: «Они познакомились – так бывает – в очереди в пивбаре. Она оглянулась и увидела синеглазого в финском костюме, с черными ресницами, и решила: он будет мой. Поскольку она не догадывалась, насколько легка будет её пожива, некоторое время ушло на верчение головой, уходы (Я перед вами буду, хорошо?), а он терпеливо стоял и ждал разрухи своей судьбы, бедный принц в единственном, что ещё у него осталось, сером финском костюме».

Хронотоп в этом эпизоде представлен глаголами прошедшего времени совершенного вида, синтаксическими конструкциями с временным и локальным значением.

Второе время-пространство – некоторое, точно не определенное автором, время назад – ночь в квартире мужика Виктора (персонажа, более никак не обозначенного в рассказе).

Сравним: «Когда пивбар закрыли, пошли домой к Виктору, благо он жил один. И хотя он не слишком горячо воспринял предложение Али-Бабы пойти к нему, но все-таки они на ночь глядя пошли именно к нему, он открыл ключами дверь и ещё дверь, и там, в комнате, было темно и тепло, хотя и отдаленно смердело. Он включил настольную лампу, нашел и постелил чистое белье, и наступила ночь любви. ... Не дождавшись конца стихотворения, Виктор заснул, то есть стал мерно храпеть. Али-Баба замолчала и с нежным, материнским чувством в душе благодарно заснула, после чего немедленно проснулась, потому что Виктор обмочился. Али-Баба заплакала, вскочила, переоделась, села к столу и в полной темноте, при храпе и зловонии задумалась ещё раз над своей судьбой».

Третий хронотоп – в квартире у матери между вторым и первым временем: *«А у Али-Бабы деньги были, она взяла у матери восьмой том Блока, с конца, чтобы мать не схватилась. Кстати, мать лежала в больнице и не знала, что Али-Баба вернулась, а то бы она прекратила врачебное исследование и в тот же момент Али-Баба оказалась на принудительном лечении от алкоголизма. Как раз сегодня мамаша Али-Бабы на арапа позвонила из больницы, и заспанная Али-Баба ответила «але», и мамаша тут же сказала: «Ты что, дома?», но Али-Баба тут же положила трубку и больше уже не отвечала на звонки, а под неумолкающий трезвон собралась, печально взяла том Блока, остатки косметики, флакон успокоительных таблеток и оказалась в очереди в пивбар».*

Характеризуя данный эпизод, невозможно просто перечислить набор языковых средств выражения хронотопа. О том, что события происходят в

квартире у матери, читатель понимает через описательные синтаксические конструкции, лишь косвенно указывающие на то, где находится героиня. О том, что данное время предшествует первому, можно судить только по последней фразе эпизода.

Четвертый хронотоп – время и место, максимально точно определенные автором: *«Виктор очнулся к утру, увидел лежащую лицом в стол Али-Бабу, прочел записку и вызвал «скорую». Когда Али-Бабе сделали промывание желудка, она пришла в себя, и её увезли в психбольницу уже в полном сознании и вместе с её сумкой. Виктор, дрожа с похмелья, сел дожидаться, когда откроют винный отдел, а Али-Баба в это время уже лежала в чистой постели в палате для психически больных женщин сроком не меньше чем на месяц, её ждал горячий завтрак, беседа врача, рассказы соседок об их бедствиях и ей было о чём им всем рассказать».*

В последнем эпизоде помимо свойственных и предыдущим эпизодам языковым средствам выражения художественного времени-пространства (глаголам совершенного вида прошедшего времени, синтаксическим конструкциям с временным и локальным значением, лексическим единицам с локальным значением) автор использовала специальный прием – глаголы несовершенного вида в форме прошедшего времени для обозначения будущего времени (лежала, ждал, ей было о чем рассказать).

Такое парадоксальное соединение помогает обозначить масштаб жизненной трагедии героини - в будущем у нее ничего не изменится, время потечет точно так же, как и до этого эпизода, пространство, в котором она обитает, также останется неизменным.

Таким образом, художественное время и пространство в рассказах Л.Петрушевской, организованные достаточно небольшим набором языковых средств, в полной мере способствуют образованию повествовательной канвы произведения, отражению состояния героев, их внутреннего мира, зачастую надломленного жизненными проблемами и неудачами.

Выводы по третьей главе

Таким образом, настоящее время глаголов несовершенного вида может употребляться для обозначения событий, имевших место в прошлом. Соотнесенность с прошедшим устанавливается обстоятельственным словом, семантика которого связана с прошедшим.

Настоящее историческое представляет собой переносное употребление (транспозицию) форм настоящего времени для обозначения прошедших действий. При переносном употреблении грамматическая форма, сохраняя свое категориальное значение, вступает в противоречие со значением контекста, вследствие чего достигается образность выражения: в случае настоящего исторического прошедшие действия представляются так, как будто они происходят синхронно с моментом наблюдения.

В русском языке в этом временном плане при обозначении единичных действий могут употребляться лишь формы глаголов НСВ. В этом случае речь идет о переносном употреблении форм настоящего времени со значением актуального настоящего, при этом функции глагольных форм НСВ в актуальном и историческом настоящем существенно различаются. Актуальное настоящее в принципе не допускает понимания действий как завершенных. В настоящем же историческом глаголы НСВ могут обозначать действия объективно завершенные, представляя их как развертывающиеся процессы.

В большей части случаев функциональное значение временных форм не порывает соотношения с их генетическим значением. Сквозь полученное в речевом употреблении функциональное значение как бы просвечивает исходное значение формы. Исключение составляют формы настоящего времени тех глаголов, которые в древности приобрели значение совершенного вида и сейчас обозначают уже будущее время, в обычном употреблении утратившее связь с прежним временным значением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория времени - одна из самых сложных категорий русского языка. Эта категория, как и многие другие, имеет своим источником реальные отношения. Она отражает в своих формах временные соотношения между явлениями. Во времени существует то, что изменяется, сменяет одно другим, переходит в иное состояние и т.д. Точкой отсчета для основных трех времен - настоящего, будущего и прошедшего, служит настоящее время.

В современном русском языке имеются две грамматические категории, воплощающие идею времени: категории времени и вида, которые в лингвистике противопоставляются соответственно как «дейктическая» и «семантическая» категории. Значения временных глагольных форм и категории времени являются дейктическими, ориентационными, т.е. выражают ориентацию действия по отношению к моменту речи или, шире, говорящего лица, тогда как видовые значения не имеют дейктической, локализационной функции: идея времени проявляется иначе - как внутреннее свойство самого выражаемого действия.

Некоторые лингвисты выделяют еще одну категорию, имеющую непосредственное отношение к времени, но не являющуюся в русском языке грамматической: категорию таксиса, выражающую хронологическую последовательность событий, т. е. временные отношения между действиями по признакам раньше - одновременно - позже.

На обыденные представления о времени, «упорядочивающие наши повседневные действия», проливают свет метафорические языковые сочетания в их буквальном прочтении, прежде всего сочетания с глагольными предикатами лексемы «время». В русской ЯКМ, как и в ЯКМ многих других языков, реализуется целый ряд метафорических моделей времени: пространственных, динамических, ценностных и др.

Комплексное исследование показало, что при переносном употреблении грамматическая форма, сохраняя свое категориальное значение, вступает в

противоречие со значением контекста, вследствие чего достигается образность выражения.

Анализ романа "Герой нашего времени" показал, что для прозы М.Ю. Лермонтова характерны все основные переносные значения форм времени русского глагола. Однако самыми продуктивными при этом являются значения настоящего исторического, будущего в значении настоящего неактуального, прошедшего в значении настоящего абстрактного неактуального. Расхождение языкового значения со значением контекста при транспозиции времен глагола придает произведениям Лермонтова особую динамичность и экспрессивность.

Разнонаправленность, обратимость художественного времени особенно ярко проявляется в литературе XX в. – возникает роман «потока сознания», роман «одного дня», последовательный временной ряд в которых разрушается, а время выступает лишь как компонент психологического бытия человека. Эта тенденция распространяется и на произведения малой прозы – рассказы, новеллы – в которых художественное время также является условным, многомерным, обратимым и дискретным.

Художественное время и пространство в рассказах Л.Петрушевской неоднородно: в одних реально и соотнесено с историческим, в других предстает как условное и устанавливается самим автором. Более того, подобная неоднородность прослеживается в разных эпизодах в пределах одного повествования.

Художественное время-пространство имеет несколько планов выражения: по отношению к времени повествователя оно реальное, события происходят в настоящем и развиваются последовательно; художественное время, организованное достаточно небольшим набором языковых средств, в полной мере способствуют образованию повествовательной канвы произведения, отражению состояния героев, их внутреннего мира, зачастую надломленного жизненными проблемами и неудачами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые документы:

1. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» // Гармонично развитое поколение - основа прогресса Узбекистана. Сб. док. - Т.: Шарк, 1997.
2. Закон Республики Узбекистан «О Национальной программе по подготовке кадров» // Гармонично развитое поколение - основа прогресса Узбекистана: Сб. док. - Т.: Шарк, 1997.
3. Каримов И.А. Высокая духовность – непобедимая сила. – Ташкент: Шарк, 2008.
4. Каримов И. Последовательное продолжение курса на модернизацию страны – решающий фактор нашего развития. – Ташкент. Узбекистан, 2010.
5. Каримов И.А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. - Т.: Шарк, 1997.
6. Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана. Соб. соч. Т.3.- Т.: Узбекистон, 1996.
7. Каримов И.А. Наша цель: свободная и процветающая Родина. Соб. соч. Т. 2. -Т.: Узбекистон, 1996.
8. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. // По пути безопасности и стабильного развития. Соб. соч. Т.6. -Т.: Узбекистон, 1998.
9. Каримов И.А. На пути духовного возрождения. // По пути безопасности и стабильного развития. Соб. соч. Т.6. -Т.: Узбекистон, 1998.
10. Каримов И.А. Выступление на заключительном заседании 155-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО. Соб. соч. Т. 7.-Т.: Узбекистон, 1999.
11. Каримов И.А. Узбекистан, устремленный в XXI век. Соб. соч. Т.7. - Т.: Узбекистон, 1999.

12. Каримов И.А. Наша высшая цель независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Доклад на первой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан второго созыва. Соб. соч. Т.8. - Т.: Узбекистон, 2000

13. Каримов И.А. Национальная идеология основа будущего. Соб. соч. Т. 8. - Т.: Узбекистон, 2000.

14. Правовая основа нашей жизни и прогресса. Выступление Президента Ислама Каримова на торжественном собрании, посвященном десятилетию Конституции Республики Узбекистан// Народное слово, 2002. № 251-252 от 6 декабря.

Основная литература:

1. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. - Прага, 1978. – С.160.

2. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. - М., 1988. – С. 201.

3. Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. - М., 1988. – С.317.

4. Арутюнова Н. Д. Язык цели // Модели действия. Лексический анализ языка. - М., 1992. – С. 281.

5. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. - М., 1997. – С. 296.

6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. -М., 1996. Т. 5. – С. 206.

7. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. -М., 1963. – С. 391.

8. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. - М., 1971. – С. 239.

9. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. - М., 1976. – С. 261.

10. Бондарко А. В. О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре. - М., 1984. – С. 256.
11. Бондарко А. В. Аспектуальность//Теория функциональной грамматики. - Л., 1987. – С. 143.
12. Бондарко А. В. Предельность и глагольный вид. – М., 1991. – С. 156.
13. Бондарко А. В. Теория инвариантности Р. О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм // Вопросы языкознания. № 4. 1996. – С. 159.
14. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. – С. 254.
15. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. - М., 2002. – С. 247.
16. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М., 1999. – С. 780.
17. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972. – С. 616.
18. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. - М., 1975. – С. 660.
19. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. - М., 1982. – С. 155.
20. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. - М., 1989. – С. 176.
21. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). - М., 1996. – С. 184.
22. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. - М., 2001. – С. 142.

23. Грамматика современного русского литературного языка. - М., 1970. – С. 767.
24. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. -М., 2002. –С. 752.
25. Золотова Г. А. Глагольный вид с точки зрения текста // Семантика и структура славянского вида. - Krakow, 1995. – С. 507.
26. Золотова Г. А. Аспектологические проблемы с точки зрения структуры текста // ТАСФ. Т. 1. М., 1997. – С. 536.
27. Золотова Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. № 3, 2002. – С. 236.
28. Казарян В. П. Понятие времени в структуре научного знания. - М., 1980. – С. 331.
29. Канеко Ю., Петрухина Е. В. Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира). Вопросы языкознания. 2004. № 4. – С. 356.
30. Карцевский С. И. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. - М., 1962. – С. 231.
31. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. - М., 2004. – С. 259.
32. Клобуков Е. В. Аналитические глаголы в русском языке // Жизнь языка. Сб. статей к 80-летию М. В. Панова. - М., 2001. – С. 356.
33. Князев Ю. П. Настоящее время: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Язык и время. - М., 1997. – С. 240.
34. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. - М., 2000. – С. 352.
35. Коробова М. М. Глаголы несовершенного вида с непарновидовыми значениями и их лексическая характеристика // Слово и грамматические законы языка. Глагол. - М., 1989. – С. 291.
36. Кошмидер Э. Очерк о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. - М., 1962. – С. 167.

37. Кржижкова Е. Темпорально-квантитативная детерминация глагола (опыт трансформационного анализа). № 1. 1966. – С. 205.
38. Кубрякова Е. С. Противопоставление имен и глаголов как важнейшая черта организации и функционирования языковых систем // Теория грамматики. Лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990. – С. 190.
39. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Модели действия. Логический анализ языка. - М., 1992. – С. 217.
40. Курилович Е. Заметки о значении слова // Вопросы языкознания. № 3. 1955. – С. 154.
41. Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М., 1962. – С. 258.
42. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В. Н. Ярцева. -М., 1990. - С. 513.
43. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. - М., 1959. – С. 312.
44. Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. – М., 1963. – С. 188.
45. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. - М., 1965. – С. 245.
46. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. - Л., 1984. – С. 263.
47. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. - М., 1997. – С. 272.
48. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. - М., 2004. – С. 840.
49. Моисеев Н. Н. Время в нас и вне нас. - Л., 1994. – С. 230.
50. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865. – С. 313.

51. Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 45. № 5. 1986. – С. 480.
52. Падучева Е. В. К поискам инварианта в значении глагольных видов: Вид и лексическое значение глагола // НТИ. № 12. 1989. – С. 496.
53. Падучева Е. В. Таксономические категории глаголов *imperfectiva tantum* в русском языке // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 2. 1993. – С. 263.
54. Падучева Е. В. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семантика и информатика. Вып. 34. - М., 1995. – С. 462.
55. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. - М., 1996. – С. 250.
56. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. - М., 1999. – С. 275.
57. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. - М., 2001. – С. 250.
58. Петрухина Е. В. Видовая семантика и понятие предела действия // Актуальные проблемы русской морфологии. - М., 1988. – С. 99.
59. Петрухина Е. В. Глагольная производная номинация. Модификация и мутация // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 6. 1996. – С. 55.
60. Петрухина Е. В. Аспектуальные классы глаголов и модели протекания действия во времени в славянских языках // ТАСФ. Т. 3. - М., 1997. – С. 89.
61. Петрухина Е. В. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. - М., 1998. – С. 94.

62. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. - М., 2000. – С. 110.
63. Петрухина Е. В. Роль языковой системы в формировании аспектуальной семантики глаголов // Основные проблемы русской аспектологии. СПб., 2002. – С. 113.
64. Петрухина Е. В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб., 2003. – С. 117.
65. Плунгян В. А. К определению результатива (универсальна ли связь результатива и предельности?) // Вопросы языкознания. № 6. 1989. – С. 63.
66. Плунгян В. А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. - М., 1997. – С. 169.
67. Плунгян В. А. Проблемы грамматического значения в современных грамматических теориях (обзор) // Семиотика и информатика. Выпуск 36. - М., 1998. – С. 324.
68. Плунгян В. А. Общая морфология. - М., 2000. – С. 210.
69. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. - М., 1977. – С. 406.
70. Реформатский А. А. Введение в языковедение. - М., 1996. – С. 566.
71. Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова. Лингвистика и поэтика. - М., 1987. – С. 115.
72. Рощина Ю. В. Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии (на материале предметных и признаковых слов). Автореферат дис. . канд. филол. наук. - М., 2005. - С. 26.
73. Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Вып. III. - М., 1963. – С. 343.
74. Солнцева. Н. В. Проблемы типологии изолирующих языков. - М., 1985. – С. 254.

75. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. - М., 1981. – С. 361.
76. Тодоров Ц. Теории символа. - М.: Дом интеллектуальной книги. 1998. – С. 432.
77. ТФГ 1987 - Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. - Л., 1987. – С. 348.
78. ТФГ 1990 - Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. - Л., 1990. – С. 358.
79. ТФГ 1991 - Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991. – С. 362.
80. ТФГ 1992 - Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992. – С. 368.
81. ТФГ 1996 - Теория функциональной грамматики: Качественность. – С. 371.
82. ТФГ 1996 - Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. – С. 375.
83. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. - М., 2001. – С. 288.
84. Широкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Исследования по славянскому языкознанию. - М., 1971. – С. 298.
85. Якобсон Р. О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. - М., 1963. – С. 94.
86. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. - М., 1972. – С. 111.
87. Якобсон Р. О. Избранные работы. - М., 1985. – С. 123.
88. Ясаи Л. Лекции по глагольному виду. - Будапешт, 1993. – С. 395.

89. Ясаи Л. О принципах выделения видовой пары в русском языке // Вопросы языкознания. № 4. 1997. – С. 97.

Интернет-ресурсы:

1. <http://www.lex.uz>
2. <http://www.dic.academic.ru>
3. <http://www.ziyonet.uz>
4. <http://www.slovari.yandex.ru>
5. <http://www.slovari.ru>
6. <http://www.multitran.ru>
7. <http://www.lingvo-online.ru>
8. <http://www.gramota.ru>
9. <http://www.translate.ru>
10. <http://www.gufo.me>
11. <http://www.filologia.su>
12. <http://www.phraseoseminar.slovo-spb.ru>
13. <http://www.lingvomaster.ru>
14. <http://www.dlib.eastview.com>
15. <http://www.ru.wikipedia.org>